

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Хлеб

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Хлеб

«Public Domain»

1895

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Хлеб / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1895

«Хлеб» – последний роман Мамина-Сибиряка в ряду крупных его произведений, отображающих в жизни Урала эпоху «шествия капитала, хищного, алчного, не знавшего удержа ни в чем». В нем с большой художественной силой нарисована правдивая картина пореформенного обнищания и разорения трудящихся одного из сельскохозяйственных районов Зауралья вследствие развития капитализма, с его крупной хлебной торговлей, винокурением и банковскими операциями.

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
I	5
II	9
III	13
IV	17
V	22
VI	28
VII	32
VIII	36
IX	41
X	45
XI	49
XII	53
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	57
I	57
II	61
III	65
IV	69
V	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Хлеб

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

– А ты откедова взялся-то, дедко?

– А божий я...

– Божий, обшит кожей?.. Знаем мы вашего брата, таких-то божьих... Говори уж прямо: бродяга?

– Случалось... От сумы да от тюрьмы не отказывайся, миленький. Из-под Нерчинска убег, с рудников.

– Так-то вот ладнее будет... Каторжный, значит?

– Как есть каторжный: ни днем, ни ночью покоя не знаю.

– Ну, мы тебя упокоим... К начальству предоставим, а там на выsidку определяют пока што.

Толпа мужиков обступила старика и с удивлением его рассматривала. Да и было чему подивиться. Сгорбленный, худенький, он постоянно улыбался, моргал глазами и отвечал зараз на все вопросы. И одет был тоже как-то несообразно: длинная из синей пестрядины рубаха спускалась ниже колен, а под ней как есть ничего. На ногах были надеты шерстяные бабы чулки и сибирские коты. Поверх рубахи пониток, а на голове валеная крестьянская белая шляпа. За плечами у старика болталась небольшая котомка. В одной руке он держал берестяной бурачок, а в другой длинную черемуховую палку. Одним словом, необычный человек.

– Бурачок-то у тебя зачем, дедко?

– Бурачок?.. А это хитрая штука. Секрет... Он, бурачок-то, меня из неволи выкупил.

– Он и то с бурачком-то ворожил в курье, – вступился молодой парень с рябым лицом. – Мы, значит, косили, а с угору и видно, как по осокам он ходит... Этак из-под руки приглянет на реку, а потом присядет и в бурачок себе опять глядит. Ну, мы его и взяли, потому... не прост человек. А в бурачке у него вода...

– Ты чего, дедко, на нашу-то реку обзарился?

– А больно хороша река, вот и глядел... ах, хороша!.. Другой такой, пожалуй, и не найти... Сердце радуется.

Старик оглянул мужиков своими моргавшими глазками, улыбнулся и прибавил:

– Я старичок, у меня бурачок, а кто меня слушает – дурачок... Хи-хи!.. Ну-ка, отгадайте загадку: сам гол, а рубашка за пазухой. Всею деревней не угадать... Ах, дурачки, дурачки!.. Поймали птицу, а как зовут – и не знаете. Оно и выходит, что птица не к рукам...

– Да што с ним разговоры-то разговаривать! – загалдело несколько голосов разом. – Сиди его в темную, а там Флегонт Василич все разберет... Не совсем умом-то старичонко...

– Больно занятный! – вмешались другие голоса. – На словах-то, как гусь на воде... А блаженненьким он прикидывается, старый хрен!

Описываемая сцена происходила на улице, у крыльца суслонского волостного правления. Летний вечер был на исходе, и возвращавшийся с покосов народ не останавливался около волости: наработавшиеся за день рады были месту. Старика окружили только те мужики, которые привели его с покоса, да несколько других, страдавших неизлечимым любопытством. Село было громадное, дворов в пятьсот, как все сибирские села, но в страду оно безлюдно.

– Отпустить его, чего взять со старика? – заметил кто-то в толпе. – Много ли он и наживет? Еле душа держится...

– Не пушайте, дурачки! – засмеялся старик. – Обеими руками держитесь за меня... А отпустите – больше и не увидите.

– Нет, надо Флегонта Василича обождать, робя!.. Уж как он вырешит это самое дело, а пока мы его Вахрушке сдадим.

Волостной сторож Вахрушка сидел все время на крылечке, слушал галденье мужиков и равнодушно посасывал коротенькую солдатскую трубочку-носогрейку. Когда состоялось решение посадить неизвестного человека в темную, он молча поднялся, молча взял старика за ворот и молча повел его на крыльцо. Это был вообще мрачный человек, делавший дело с обиженным видом. В момент, когда расщелявшаяся дверь волостного правления готова была проглотить свою жертву, послышался грохот колес и к волости подкатили длинные дроги. Мужики сняли свои шапки. На дрогах, на подстилке из свежего сена, сидели все важные лица: впереди всех сам волостной писарь Флегонт Васильевич Замараев, плечистый и рябой мужчина в плисовых шароварах, шелковой канаусовой рубаше и мягкой серой поярковой шляпе; рядом с ним, как сморчок, прижался суслонский поп Макарь, худенький, загорелый и длинноносый, а позади всех мельник Ермилыч, рослый и пухлый мужик с белобрысым ленивым лицом. Писарь только взглянул на стоявшего на крыльце старика с котомкой и сразу понял, в чем дело.

– Бродягу поймали? – коротко спросил он.

– Был такой грех, Флегонт Василич... В том роде, как утенок попался: ребята с покоса привели. Главная причина – не прост человек. Мало ли бродяжек в лето-то пройдет по Ключевой; все они на один покров, а этот какой-то мудреный и нас всех дурачками зовет...

– Ну-ка, ты, умник, подойди сюда! – приказал писарь.

Старик подошел к дрогам и пристально посмотрел на сидевшую знать своими моргавшими глазками.

– Умник, а порядка не знаешь! – крикнул писарь, сшибая кнутовищем с головы старика шляпу. – С кем ты разговариваешь-то, варнак?

– Пока ни с кем... – дерзко ответил старик. – Да моей пестрядине с твоим плисом и разговаривать-то не рука.

– Што за человек? Как звать? – грянул писарь.

– Прежде Михеем звали...

– А фамилия как?

– Человек божий...

– Непомнящий родства?

– Где же упомянуть, миленький? Давненько ведь я родился...

– Да што с ним разговаривать-то! – лениво заметил мельник Ермилыч, позевывая. – Вели его в темную, Флегонт Василич, а завтра разберешь... Вот мы с отцом Макаром о чае соскучились. Мало ли бродяжек шляющихся по нашим местам...

– А какой ты веры будешь, старичок? – спросил о. Макарь.

– Веры я христианской, батюшка.

– Православной?

– Около того.

– И видно, што православный. Не то тавро...

– Уж какое есть.

– Из ваших, – смиренно заметил о. Макарь, обращаясь к мельнику Ермилычу.

– Имеет большую дерзость в ответах, а, между прочим, человек неизвестный.

– Да ну его к ляду! – лениво протянул мельник. – Охота вам с ним разговаривать... Чаю до смерти охота...

Писарь сделал Вахрушке выразительный знак, и неизвестный человек исчез в дверях волости. Мужики все время стояли без шапок, даже когда дроги исчезли, подняв облако пыли. Они постояли еще несколько времени, погалдели и разбрелись по домам, благо уже солнце закатилось и с реки потянуло сыростью. Кое-где в избах мелькали огоньки. С ревом и блеяньем прошло стадо, возвращавшееся с поля. Трудовой крестьянский день кончался.

Темная находилась рядом со сторожкой, в которой жил Вахрушка. Это была низкая и душная каморка с соломой на полу. Когда Вахрушка толкнул в нее неизвестного бродягу, тот долго не мог оглядеться. Крошечное оконце, обрешеченное железом, почти не давало света. Старик сгрудил солому в уголок, снял свою котомку и расположился, как у себя дома.

– Вот бог и квартиру послал... – бормотал он, покряхтывая. – Что же, квартира отменная.

Вахрушка в это время запер входную дверь, закурил свою трубочку и улегся с ней на лавке у печки. Он рассчитывал, по обыкновению, сейчас же заснуть.

– Эй, служба, спишь? – слышался голос из темной.

– Сплю, а тебе какая печаль?

– Ты в солдатах служил?

– Случалось... А ты у меня поговори!..

Молчание. Вахрушка вздыхает. И куда эти бродяги только идут? В год-то их близко сотни в темной пересидит. Только настоящие бродяги приходят объявляться поздно осенью, когда ударят заморозки, а этот какой-то оглашенный. Лежит Вахрушка и думает, а старик в темной затынул:

– Се жених грядет во полунощи и блажен раб, его же обрящет бдяща...

– Эй, будет тебе, выворотень! – крикнул Вахрушка. – Нашел время горло драть...

– Да я духовное, служба... А ты послушай: «И блажен раб, его же обрящет бдяща», а ты дрыхнешь. Это тебе раз... А второе: «Недостойн, его же обрящет унывающая»... Понимаешь?

– Вот навязался-то! – ворчал Вахрушка.

Опять молчание. Слышно, как по улице грузно покатила телега. Где-то далеко, точно под землей, лают неугомонные деревенские собаки.

– Ты не здешний? – спрашивает старик, укладываясь на соломе.

– А ты как знаешь?

– Да видно по обличью-то... Здесь все пшеничники живут, богатей, а у тебя скула не побогатому: может, и хлеб с хрустом ел да с мякиной.

– Я чердынский... Это верно. Убогие у нас места, земля холодная, неродимая. И дошлый же ты старичонко, как я погляжу на тебя!

– Дошлый, да про себя... А поп у вас богатый?

– Богатимый поп... Коней одних у него с тридцать будет, больше сотни десятин запахи-вает. Опять хлеба у попа не в проворот: по три года хлеб в кладях лежит.

– А писарь?

– И писарь богатимый... Не разберешь, кто кого богаче. Не житье им здесь, а масленица... Мужики богатые, а земля – шуба шубой. Этого и званья нет, штобы навоз вывозить на пашню: земля-матушка сама родит. Вот какие места здесь... Крестьяны государственные, наделы у них большие, – одним елевом, пшеничники. Рожь сеют только на продажу... Да тебе-то какая печаль? Вот привязался человек!

– А мельник у вас плут: на руку нечист.

– Да ты почем знаешь, что он мельник?

– А по сапогам вижу: бус¹ на сапогах, значит мельник.

¹ Бус – хлебная пыль, которая летит при размолке зерна. (Прим. Д.Н.Мамина-Сибиряка.)

Вахрушка даже сел на своем конике, пораженный наблюдательностью неизвестного бродяги. Вот так старичонко задался: на два аршина под землей все видит. Вахрушка в конце концов рассердился:

– Да ты што допытываешь-то меня, окаянная твоя душа? Вот завтра тебе Флегонт Василич покажет... Он тебя произведет. Вишь, какой дошлый выискался!

– Страшен сон, да милостив бог, служба. Я тебе загадку загадаю: сидит баба на грядке, вся в заплатках, кто на нее взглянет, тот и заплачет. Ну-ка, угадай?

– Капуста.

– Ах, дурачок, дурачок, и этого не знаешь! Лук, дурашка... Ну, а теперь спи: утро вечера мудренее.

– Да ты што ругаешься-то в самом деле? – зарычал Вахрушка, вскакивая.

– Полюбил я тебя, как середка пятницу... Как увидал, так и полюбил. Сроду не видались, а увиделись – и сказать нечего. Понял?... Хи-хи!.. А картошку любишь? Опять не понял, служба... Хи-хи!.. Спи, дурачок.

II

Утром писарь Замараев еще спал, когда пришел к нему волостной сторож Вахрушка.

– Гости у нас вчор засиделись, – объясняла ему стряпка. – Ну, выпили малость с отцом Макаром да с мельником. У них ведь компания до белого свету. Люты пить... Пельмени заказали рыбные, – ну, и компанились. Мельник Ермилыч с радостей и ночевать у нас остался.

Вахрушка был настроен необыкновенно мрачно. Он присел на порог и молча наблюдал, как стряпка возилась у топившейся печи. Время от времени он тяжело вздыхал, как загнанный коренник.

– Сказывают, вчор наши суслонские ребята бродяжку в курье поймали? – тараторила стряпуха, громыхая ухватами.

– А тебе какая забота? – озлился Вахрушка.

Молва говорила, что у Вахрушки с писарскою стряпкой Матреной дело нечисто. Главным доказательством служили те пироги, которые из писарской кухни попадали неведомыми никому путями в волостную сторожку. Впрочем, Матрена была вдова, хотя и в годках, а про вдову только ленивый не наплетет всякой всячины. Писарский пятистенный дом, окруженный крепкими хозяйственными постройками, был тем, что называется полною чашей. Недаром Флегонт Васильевич целых двадцать пять лет выслужил писарем в Суслоне. На всю округу славился суслонский писарь и вторую жену себе взял городскую, из Заполья, а запольские невесты по всему Уралу славятся – богачки и модницы. К своему богатству Замараев прибавил еще женино приданое и жил теперь в Суслоне князь князем.

– Ах, пес! – обругался неожиданно Вахрушка, вскакивая с порога. – Вот он к чему про картошку-то меня спрашивал, старый черт... Ну, и задался человек, нечего сказать!

Когда писарь, наконец, проснулся, Вахрушка вошел в горницу и, остановившись на пороге, заявил:

– Как хошь, Флегонт Василич, а я боюсь.

– Кого испугался-то? – удивился не прочухавшийся хорошенько после вчерашних пельменей писарь.

– А этого самого бродяги. В тоску меня вогнал своими словами. Я всю ночь, почитай, не спал. И все загадки загадывает. «А картошку, грит, любишь?» Уж я думал, думал, к чему это он молвил, едва догадался. Он это про бунт словечко закинул.

– Про картофельный бунт? – вскипел вдруг писарь. – Ах, мошенник! Да я его в три дуги согну!... я...

– Колдун какой-то, я так полагаю.

– Ну, это пустяки! Я ему покажу... Ступай теперь в волость, а я приду, только вот чаю напьюсь.

– А ежели он што надо мной сделает, Флегонт Василич? Боюсь я его.

– Ступай, дурак!

Вахрушка почесал в затылке и почтительно выпятился в двери. Через минуту мимо окон мелькнула его вытянутая солдатская фигура.

Село Суслон, одно из богатейших зауральских сел, красиво разлеглось на высоком правом берегу реки Ключевой. Ряды изб, по сибирскому обычаю, выходили к реке не лицом, а огородами, что имело хозяйственное значение: скотину поить ближе, а бабам за водой ходить. На самом берегу красовалась одна белая каменная церковь, лучшая во всей округе. От церкви открывался вид и на все село, и на красавицу реку, и на неоглядные поля, занявшие весь горизонт, и на соседние деревни, лепившиеся по обоим берегам Ключевой почти сплошь: Роньжа, Заево, Бакланиха. Вдали, вниз по течению Ключевой, грязным пятном засела на Жулановском плесе мельница-раструска Ермилыча, а за ней свечой белела колокольня села Чуракова. Вверх

по течению Ключевой владения суслонских мужиков от смежных деревень отделяла Шеинская курья, в которой поймали вчера мудреного бродягу. Повыше этой курьи река была точно сжата крутыми берегами, – это был Прорыв. Летом можно было залюбоваться окрестностями Суслона.

В сороковых годах Суслон сделался центром странного «картофельного бунта». Дело вышло из-за министерского указа об обязательном посеве картофеля. Запольский уезд населен исключительно государственными крестьянами, объяснившими обязательный посев картофеля как меру обращения в крепостную зависимость. Темная крестьянская масса всколыхнулась почти на расстоянии всего уезда, и волнение особенно сильно отразилось в Суслоне, где толпа мужиков поймала молодого еще тогда писаря Замараева и на веревке повела топить к Ключевой как главного виновника всей беды, потому что писаря и попы скрыли настоящий царский указ. В этот критический момент, когда смерть была на носу, писарь пустился на отчаянную штуку.

– Ведите меня в волость, я все покажу! – смело заявил он.

Когда тысячная толпа привела писаря в волость, он юркнул за свой стол, обложился книгами и еще смелее заявил:

– Ну-ка, возьмите меня через закон. Вот он, закон-то, весь тут.

Мужики совершенно растерялись, что им делать с увертливым писарем. Погалдели, поругались и начали осаживать к двери.

– Робята, пойдем домой! – послышался первый голос, и вся толпа отхлынула от волости, как морская волна.

Находчивость неизвестного писарька составила ему карьеру и своего рода имя. Так он и остался в Суслоне. Вот именно этот неприятный эпизод и напомнил ему Вахрушка свою картошкой.

Напившись на скорую руку чаю и опохмелившись с гостем рюмкой настойки на березовой почке, он отправился в волость. Ермилыч пошел за ним.

– Надо его проучить, – советовал мельник, когда они подходили к волости.

У волости уже ждали писаря несколько мужиков и стояла запряженная крестьянская телега. Волостных дел в Суслоне было по горло. Писарь принимал всегда важный вид, когда подходил к волости, точно полководец на поле сражения. Мужиков он держал в ежовых рукавицах, и даже Ермилыч проникался к нему невольным страхом, когда завертывал в волость по какому-нибудь делу. Когда писарь входил в волость, из темной донеслось старческое пение:

Тяжело душеньке с телом расставатися, Тяжелее душеньке во грехах оставатися.

– Вон он, идол, какую обедню развел, – жаловался Вахрушка.

Писарь Замараев занял с приличною важностью свое место за волостным столом, а мельник Ермилыч поместился в качестве публики на обсиженной скамеечке у печки. Ермилыч, как бывший крестьянин, сохранял ко всякой власти подобострастное уважение и участенно вздыхал, любуясь властными приемами дружка писаря.

– Ну-ка, приведи сюда эту ворону! – лениво сказал Замараев, для пущей важности перелистывая книгу входящих бумаг.

Вахрушка молодецкато подтянулся и сделал налево кругом. Таинственный бродяга появился во всем своем великолепии, в длинной рубахе, с котомочкой за плечами, с бурачком в одной руке и палкой в другой.

Писарь сделал вид, что не замечает его, продолжая перелистывать журнал, а потом быстро поднял глаза и довольно сурово спросил:

– Бродяга? Непомнящий родства? Так... А прозвище?

– Колобок, – смело ответил старик, с улыбкой поглядывая на мельника.

– Божий человек, значит.

– Слыхали, – протянул писарь. – Много вас, таких-то божьих людей, каждое лето по Ключевой идет. Достаточно известны. Ну, а дальше што можешь объяснить? Паспорт есть?

– По сусекам метен, по закромам скребен, – вот тебе и весь паспорт.

Писарь ударил кулаком по столу и закричал:

– Ты петли-то не выметывай, ворона желторотая! Говори толком, когда спрашивают!

– Не кричи ты на меня, пужлив я... Ох, напужал!

Бродяга скорчил такую рожу, что Ермилыч невольно фыркнул и сейчас же испугался, закрыв пасть ладонью. Писарь сурово скосил на него глаза и как-то вдруг зарычал, так что отдельных слов нельзя было разобрать. Это был настоящий поток привычной стереотипной ругани.

– Да я тебя заморю! сгною! изотру в порошок!.. Да я... я... я...

Ермилыч даже закрыл глаза, когда задыхавшийся под напором бешенства писарь ударил кулаком по столу. Бродяга тоже съежился и только мигал своими красными веками. Писарь выскочил из-за стола, подбежал к нему, погрозил кулаком, но не ударил, а израсходовал вспыхнувшую энергию на окно, которое распахнул с треском, так что жалобно зазвенели стекла. Сохранял невозмутимое спокойствие один Вахрушка, привыкший к настоящему обращению всякого начальства.

– Ну, что ты молчишь, а? – ревел писарь, усаживаясь на место и приготавливая бумагу, чтобы записать дерзкого бродягу. – Откуда ползешь?

– Все мы из одних местов. Я от бабки ушел, я от дедки ушел и от тебя, писарь, уйду, – спокойно ответил бродяга, переминаясь с ноги на ногу.

– Ах, ты... да я... я...

Писарь только хотел выскочить из-за стола, но бродяга его предупредил и одним прыжком точно нырнул в раскрытое окно, только мелькнули голые ноги.

– Держи его, подлеца! Лови! – орал Замараев, подбегая к окну.

Сидевшие на крыльце мужики видели, как из окна волости шлепнулся бродяга на землю, быстро поднялся на ноги и, размахивая своею палкой, быстро побежал по самой середине улицы дробною, мелкою рысцой, точно заяц.

– Держи его! Лови! – кричал Замараев, выставляясь из окна. – Эй вы, челдоны, чего вы смотрите?

Какой-то белобрысый парень «пал» на телегу и быстро погнался за бродягой, который уже был далеко. На ходу бродяга оглядывался и, заметив погоню, прибавил ходу.

– Ловко щекотит, – заметил какой-то голос из толпы. – Ай да бродяга, настоящий ско-роход!

Бродяга действительно оказал удивительную легкость на ногу и своим дробным шагом летел впереди догонявшей его телеги. Крестьянская лошаденка, лохматая и пузатая, с трудом поспевала за ним, делая отчаянные усилия догнать. Белобрысый парень неистово лупил ее вожжами и что-то такое орал. Кое-где из окон деревенских изб показывались бабьи головы в платках, игравшие на улице ребятишки сторонились, а старичок все бежал, размахивая своею палочкой. Так он добежал до последних худеньких избенок и заметно сбавил шаг. Телега стала его догонять. Попались какие-то мужики, которые пробовали заградить дорогу беглецу, но старичок прошел мимо них невредимо и еще обругал:

– Эх, дурачки, куда вам ловить Колобка!

За селением он опять прибавил шаг. У поскотины,² где стояли ворота, показались встречные мужики, ехавшие в Суслон. Белобрысый парень неистово закричал им:

– Держи варнака! Держи!

² Поскотина – изгородь, которой отделяется выгон. (Прим. Д.Н.Мамина-Сибиряка.)

Бродяга на мгновение остановился, смерил глазами расстояние и тихою рысцой, как травленный волк, побежал в сторону реки. Телега осталась на дороге, а за ним теперь погнался какой-то рыжий мужик на захомутанной рыжей лошади. Он был без шапки и отчаянно болтал локтями. Бродяга опять остановился, потому что рыжий мужик летел к нему наперерез, а потом усиленную рысью побежал к недалекой поскотине. Здесь рыжий мужик чуть-чуть его не догнал, но бродяга одним прыжком перескочил через изгородь и остановился. Теперь он был в полной безопасности, потому что дальше начинался тощий лесок, спускавшийся к реке.

– Эй, дурачки, кланяйтесь своему писарю! – крикнул варнак бежавшим к нему мужикам и, не торопясь, скрылся в лесу.

Погоня сбилась в одну кучку у поскотины. Мужики ошалелыми глазами глядели друг на друга.

– Вот так старичонко! В том роде, как виноходец.³ Так и стелет, так и стелет.

– Оборотень какой-то, надо полагать.

Подъехавший на телеге белобрысый парень и рыжий мужик на рыжей лошади служили теперь общим посмешищем и поэтому усиленно ругались.

– Ужо вот задаст вам Флегонт-то Василич!

³ Виноходец – иноходец. (Прим. Д.Н.Мамина-Сибиряка.)

III

Часов десять утра. Широкий двор, утрамбованный желтым песком, походит на гуменный ток. На него с одной стороны глядит большими окнами двухэтажный нештукатуренный каменный дом с террасой, а с другой – расположился плотный ряд хозяйственных пристроек: амбары, конюшни, каретники, сеновалы. Вся постройка крепкая, хозяйственная, как умеют строить только купцы. В углу у деревянной конуры дремлет киргизский желтый волкодав. В середине двора стоят два кучера и держат под уздцы горбоносого и вислозадного киргиза-иноходца, который шарашится, храпит, поводит поротыми ушами и выворачивает белки глаз.

– Эй вы, челдоны, держите крепче! – визгливо кричит с террасы седой толстый старик в шелковом халате.

– Да черт его удержит, Храпуна, – отвечает старший кучер Никита, степенный мужик с окладистой бородой. – Задавить его, вот и весь разговор.

Другой кучер, башкир Ахметка, скуластый молодой парень с лоснящимся жирным лицом, молча смотрит на лошадь, точно впился в нее своими черными глазами.

– Дайте ей поводок! – кричит старик с террасы.

Кучера отпускают повод, и лошадь делает отчаянный курбет, поднимая Ахметку на воздух. Никита крепко держит волосяной чумбур, откинув назад свой корпус.

– Тпрру!.. Черт кыргызской!

– Держите крепче! – кричит старик, размахивая руками. – Ах, галманы!

Лошадь делает отчаянную попытку освободиться от своих мучителей, бьет задними ногами, дрожит и раздувает ноздри.

– Тпрру, анафема!

Старик в халате точно скатывается с террасы по внутренней лесенке и кубарем вылетает на двор. Подобрал полы халата, он заходит сзади лошади и начинает на нее махать руками.

– Спусти чумбур, Никита... Дай поводок... Сперва на корде прогоним. Ахметка, свиное ухо, ты чего глаза-то вытаращил?

Калитка отворяется, и во двор въезжает верхом на вороной высокой лошади молодой человек в черкеске, папахе и с серебряным большим кинжалом на поясе. Великолепная вороная лошадь-степняк, покачиваясь на тонких сухих ногах, грациозно подходит на середину двора и останавливается. Молодой человек с опухшим красным лицом и мутными глазами сонно смотрит на старика в халате.

– Лиодорка, откуда черт принес? – крикливо спрашивает старик, прищуривая свои желтые глазки.

– Где был, там ничего не осталось, – хрипло отвечает молодой человек и по пути вытягивает нагайкой Ахмета по спине.

– Ай-яй! – взвизгивает башкир, хватаясь за спину. – ан, бачка!..

– Разве так лошадей выводят? – кричит молодой человек, спешиваясь и выхватывая у Ахметки повод. – Родитель, ты ее сзади пугай... Да не бойся. Ахметка, а ты чего стоишь?

Все четверо начинают гонять пугливого иноходца на корде, но он постоянно срывает и затягивает повод. Кончается это представление тем, что иноходец останавливается, храпит и затягивает шею до того, что из ноздрей показывается кровь.

– Бей его!.. Валяй! – визжит старик, привскакивая на месте.

Никита откинулся всем корпусом назад, удерживая натянувшийся, как струна, волосяной чумбур, а Лиодор и Ахметка жарят ошалевшую лошадь в два кнута.

– Ой, батюшки, до смерти забьют! – вскрикивает в кухне толстая стряпка Аграфена, высовываясь из окна.

Кухня в подвале, и ей приходится налегать своим жирным телом на тощего старичка странника, который уже давно лежит на подоконнике и наблюдает, что делается во дворе.

– Тетка, этак и задавить можно живого человека! – ворчит странник, напрасно стараясь высвободить свое тощее старое тело из-под навалившегося на него бабьего жира.

– Ох ты, некошной! – ругается стряпка. – Шел бы, миленький, своею дорогой... Поел, отдохнул, надо и честь знать.

Стряпка Аграфена ужасно любит лошадей и страшно мучается, когда на дворе начинают тиранить какую-нибудь новопкупку, как сейчас. Главное, воротился Лиодор на грех: забьет он виноходца, когда расстервенится. Не одну лошадь уходил, безголовый.

Странник слез с окна, поправил длинную синюю рубаху, надел котомку, взял в руки бере-стяной бурачок и длинную палку и певуче проговорил:

– Спасибо, Аграфенушка, за хлеб, за соль...

Это был тот самый бродяга, который убежал из суслонского волостного правления. Нахлобучив свою валеную шляпу на самые глаза, он вышел на двор. На террасе в это время показались три разодетых барышни. Они что-то кричали старику в халате, взвизгивали и прятались одна за другую, точно взбесившаяся лошадь могла прыгнуть к ним на террасу.

– Папенька!.. Папенька, не бейте лошадку!

– Лиодор, иди сюда, завтрак готов!

Бродяга внимательно посмотрел на визжавших барышень и подошел к Лиодору.

– Дай-ка мне повод-то, хозяин, – заговорил он, протягивая руку.

Лиодор оглянулся и, презрительно смерив бродягу с ног до головы, толкнул его локтем.

– Дай, тебе говорят!

У Лиодора мелькнула мысль: пусть Храпун утешит старичонку. Он молча передал ему повод и сделал знак Никите выпустить чумбур. Все разом бросились в стороны. Посреди двора остались лошадь и бродяга. Старик отпустил повод, смело подошел к лошади, потрепал ее по шее, растянул душивший ее чумбур, еще раз потрепал и спокойно пошел вперед, а лошадь покорно пошла за ним, точно за настоящим хозяином. Подведя успокоенного Храпуна к террасе, бродяга проговорил:

– Вот как учат лошадей, сударыни-барышни!

Барышни весело рассмеялись и забили в ладоши, а бродяга отвел лошадь под навес и привязал к столбу.

– Да ты откуда взялся-то, ярыга-мученик? – визгливо спрашивал старик в халате, подступая к бродяге. – Сейчас видно зазнамого конокрада.

– Стоило бы што воровать, Харитон Артемич. Аль не узнал!

– Где всех прощелыг вызнаешь.

– Ну, так я уж сам скажусь: про Михея Зотыча Колобова слышал? Видно, он самый... В гости пришел, а ты меня прощелыгой да конокрадом навеличиваешь. Полтора верст пешком шел.

– Вот так фунт! – ахнул Харитон Артемич, не вполне доверяя словам странного человека. – Слыхивал я про твои чудеса, Михей Зотыч, а все-таки оно тово...

– Ладно... Мне с тобой надо о деле поговорить.

– Пойдем в горницы... Ну, удивил!.. Еще как Лиодорка тебе шею не накомылял: прост он у меня на этикие дела.

– Кормильца вырастил, – ядовито заметил Колобов, поглядывая на снявшего папаху Лиодорку. – Вон какой нарядный: у шутов хлеб отбивает.

– Ох, и не говори!.. Один он у меня, как смертный грех. Один, да дурак, хуже этого не придумаешь.

– Один сын – не сын, два сына – полсына, а три сына – сын... Так старинные люди сказывали, Харитон Артемич. Зато вот у тебя три дочери.

– Наградил господь... Ох, наградил! – как-то застонал Харитон Артемьич, запахивая халат. – Как их ни считай, все три девки выходят... Давай поменяемся: у тебя три сына, а у меня три дочери, – ухо на ухо сменяем, да Лиодорку прикину впридачу.

Теперь все с удивлением оглядывали странного гостя: кучера, стряпка, Лиодор, девицы с террасы. Всех удивляло, куда это тятенька ведет этого бродягу.

– Как он сказался по фамилии-то? – спрашивал Лиодор кучера.

– Коробов али Колобов, – не разобрал хорошенько.

– Вот так фунт! – удивился в свою очередь Лиодор. – Это, значит, родитель женихов-то, которые наезжали на той неделе... Богатеющий старичонко!

Стряпка Аграфена услышала это открытие и стрелой ринулась наверх, чтобы предупредить «самое» и девиц. Она едва могла перевести дух, когда ворвалась на террасу, где собрались девицы.

– Барышни... родные... Ведь этот странник-то... странник-то... – бормотала она, делая отчаянные жесты.

– Да вон он с тятенькой у крыльца остановился... Сестрицы, тятенька сюда его ведет!

– Барышни... ох, задохлась! Да ведь это женихов отец... Два брата-то наезжали на той неделе, так ихний родитель. Сам себя обозначил.

Все девицы взвизгнули и стайкой унеслись в горницы, а толстуха Аграфена заковыляла за ними. «Сама» после утреннего чая прилегла отдохнуть в гостиной и долго не могла ничего понять, когда к ней влетели дочери всем выводком. Когда-то красивая женщина, сейчас Анфуса Гавриловна представляла собой типичную купчиху, совсем заплывшую жиром. Она сидела в ситцевом «холодае» и смотрела испуганными глазами то на дочерей, то на стряпку Аграфену, перебивавших друг друга.

– Женихов отец, мамынька, приехал... Колобов старик.

– Не приехал, а пешком пришел. С палочкой идет по улице, я сама видела, а за плечами котомка.

– Дайте мне словечушко вымолвить, – хрипела Аграфена, делая умоляющие жесты. – Красавицы вы мои, дайте...

– Молчите вы, девицы! – окликнула дочерей «сама». – А ты говори, Аграфена, да поскорее.

– Ох, задохлась!.. Стряпаю я это даве утром у печки, оглянулась, а он и сидит на лавочке... Уж отколь он взялся, не могу сказать, точно вот из земли вырос. Я его за странного человека приняла... Ну, лепешки у нас к чаю были, – я ему лепешку подала. Ей-богу!.. Прикушал и спасибо сказал. Потом Никита с Ахметкой вертелись в куфне и с ним што-то болтали, а уж мне не до них было. Ну, потом кучера ушли виноходца нового выводить, а он в куфне остался. Подсел к окошечку и глядит на двор, как виноходец артачится... Я еще чуть не задавила его: он в окошке-то, значит, прилег на подоконник, а я забыла о нем, да тоже хотела поглядеть на двор-то, да на него и навалилась всем туловом.

– Ах, батюшки! – застонала Анфуса Гавриловна, хватаясь за голову. – Да ведь ты, Аграфенушка, без ножа всех зарезала... Навалилась, говоришь?.. Ах, грех какой!..

– Мамынька, зачем же он в куфню забрался? – заметила старшая дочь Серафима. – Ты только посмотри на него, каков он из себя-то. На улице встретишь – копеечку подашь.

– В том роде, как бродяга али странник, – объясняла Аграфена в свое оправдание. – Рубаха на нем изгребная, синяя, на ногах коты... Кабы знатье, так разе бы я стала его лепешкой кормить али наваливаться?

– Ну, ну, ладно! – оборвала ее Анфуса Гавриловна. – Девицы, вы приоденьтесь к обеду-то. Не то штоб уж совсем на отличку, а как порядок требует. Ты, Харитинушка, барежево платье одень, а ты, Серафимушка, шелковое, канаусовое, которое тебе отец из Ирбитской ярманки

привез... Ох, Аграфена, сняла ты с меня голову!.. Ну, надо ли было дурище наваливаться на такого человека, а?.. Растерзать тебя мало...

Младшие девицы, Агния и Харитина, особенно не тревожились, потому что все дело было в старшей Серафиме: ее черед выходить замуж. Всех красивее и бойчее была Харитина, любимица отца; средняя, Агния, была толстая и белая, вся в мать, а старшая, Серафима, вступила уже в годы, да и лицо у нее было попорчено веснушками. Глядя на дочерей, Анфуса Гавриловна ругала про себя хитрого старичонка гостя: не застань он их врасплох, не показала бы она Харитины, а бери из любых Серафиму или Агнию. Уж не первому жениху Харитина заперла дорогу, а выдавать младшую раньше старших не приходится.

IV

– Я тебе наперво домишко свой покажу, Михей Зотыч, – говорил старик Малыгин без самодовольства, когда они по узкой лесенке поднимались на террасу. – В прошлом году только отстроился. Раньше-то некогда было. Семью на ноги поднимал, а меня господь-таки благословил: целый огород девок. Трех с рук сбыл, а трое сидят еще на гряде.

– Ваши-то запольские невесты на слуху, – поддакивал гость. – Богатые да щеголихи. Далеко слава-то прошла. По другим местам девки сидят да завидуют запольским невестам.

– Уж это што говорить: извелись на модах вконец!.. Матери-то в сарафанах еще ходят, а дочкам фигли-мигли подавай... Одно разоренье с ними. Тяжеленько с дочерьми, Михей Зотыч, а с зятьями-то вдвое... Меня-таки прямо наказал господь. Неудачлив я на зятьев.

Гость ничего не отвечал, а только поджал свои тонкие губы и прищурился, причем его сморщенное обветренное лицо получило неприятное выражение. Ему не поправился разговор о зятьях своею бестактностью. Когда они очутились на террасе, хозяин с видимым удовольствием оглянул свой двор и все хозяйственные пристройки.

– Хорош дворик, – вслух полюбовался гость. – А што в амбарах-то держишь?

– А разное, Михай Зотыч: и семя льняное, и кудельку, и масло.

– Вот это ты напрасно, Харитон Артемьич. Все такой припас, што хуже пороху. Грешным делом, огонек пыхнет, так костер костром, – к слову говорю, а не беду накликаю.

– Покедова бог хранил. У нас у всех так заведено. Да и дом каменный, устоит. Да ты, Михей Зотыч,ними хоть котомку-то. Вот сюда ее и положим, вместе с бурачком и палочкой.

Гость охотно исполнил это желание и накрыл свои пожитки шляпой. В своей синей рубахе, понитке и котах он походил не то на богомольца, не то на бродягу, и хозяин еще раз пожал плечами, оглядывая его с ног до головы. Юродивый какой-то.

– Што, на меня любиешься? – пошутил Колобов, оправляя пониток. – Уж каков есть: весь тут. Привык по-домашнему ходить, да и дорожка выпала не близкая. Всю Ключевую, почитай, пешком прошел. Верст с двести будет... Так оно по-модному-то и неспособно.

– Шутки шутишь, Михей Зотыч, – усомнился хозяин. – Какая тебе нужда пешком-то было идти столько места?

– А привык я. Все пешком больше хожу: которое место пешком пройдешь, так оно памятливей. В Суслоне чуть было не загостился у твоего зятя, у писаря... Хороший мужик.

Одно имя суслонского писаря заставило хозяина даже подпрыгнуть на месте. Хороший мужик суслонский писарь? Да это прямой разбойник, только ему нож в руки дать... Живодер и христопродавец такой, каких белый свет не видывал. Харитон Артемьич раскраснелся, закашлялся и замахал своими запухшими красными руками.

– И как он обманул меня тогда дочерью-то, когда, значит, женился на Анне, ума не приложу! – упавшим голосом прибавил он, выпустив весь запас ругательств. – Дела тогда у меня повихнулись немножко, караван с салом затонул, ну, он и подсыпался, писарь. А дочь Анна была старшая и в годках, за ней целый мост их, девок, – ну, он и обманул. Прямой разбойник... Еще и сейчас с меня приданое свое справляет и даже судом грозил. Я бы ему на свои деньги веревку купил, только бы повесился... Вот какие у меня зятья! Да и низко мне с писарями родню-то разводить. Што такое писарь? Приехал становой: «А ну-ка, ты, такой-сякой...» И сейчас в скулу. А я в первой гильдии.

– Всякие и писаря бывают.

– Да стыдно мне, Михей Зотыч, и говорить-то о нем: всему роду-племени покор. Ты вот только помянул про него, а мне хуже ножа... У нас Анна-то и за дочь не считается и хуже чужой.

– Это уж напрасно, Харитон Артемьич. Горденек ты, как я погляжу. И птица перо в перо не родится, а где же зятьев набрать под одну шерсть?

Взглянув на двор, по которому ехал Лиодор верхом на своей лошади, старик подбежал к перилам и, свесившись, закричал:

– Ты это опять куды наклался-то, непутевая голова?.. Который это день музыку-то разводишь? Я до тебя доберусь!.. Я тебе покажу!..

– К Булыгиным, – коротко ответил Лиодор, свешиваясь в седле по-татарски, на один бок.

– Ах, аспид! ах, погубитель! – застонал старик. – Видел, Михей Зотыч? Гибель моя, а не сын... Мы с Булыгиным на ножах, а он, слышь, к Булыгиным. Уж я его, головореза, три раза проклинал и на смирение посылал в степь, и своими руками терзал – ничего не берет. У других отцов сыновья – замена, а мне нож острый. Сколько я денег за него переплатил!

– В годы войдет – образумится.

Харитон Артемьич спохватился, что сгоряча сболтнул лишнее, и торопливо повел мудреного гостя в горницы. Весь второй этаж был устроен на отличку: зал, гостиная, кабинет, столовая, спальня, – все по-богатому, как в первых купеческих домах. Стены везде были оклеены бархатными дорогами обоями, потолки лепные, мебель крыта шелком и трипом. Один только недостаток чувствовался в этой богатой обстановке: от нее веяло нежилым. Вся семья жалась в нижнем, этаже, в маленьких, низких комнатах, а парадный верх служил только для приемов. Летом еще девицы получали дозволение проходить на террасу.

– Одна мебель чего мне стоила, – хвастался старик, хлопая рукой по дивану. – Вот за эту орехову плачено триста рубликов... Кругленькую копеечку стоило обзаведенье, а нельзя супротив других ниже себя оказать. У нас в Заполье по-богатому все дома налажены, так оно и совестно свиньей быть.

Гость внимательно все осмотрел, поддакивая хозяину, а потом проговорил:

– Наладил ты себе, Харитон Артемьич, не дом, а пряменько сказать – трактир.

Это замечание поставило хозяина в тупик: обидеться или поворотить на шутку? Вспомнив про дочерей, он только замычал. Ответил бы Харитон Артемьич, – ох, как тепленько бы ответил! – да лиха беда, по рукам и ногам связан. Провел он дорогого гостя в столовую, где уже был накрыт стол, уставленный винами и закусками.

– Ну-ка, Михей Зотыч, огорчимся для первоначалу.

Гость пожевал сухими губами, прищурился и быстро ответил:

– Не принимаю я огорчения-то, Харитон Артемьич. И скусу не знаю в вине, какое оно такое есть. Не приводилось отведывать смолоду, а теперь уж года ушли учиться.

«Вот гостя господь послал: знакомому черту подарить, так назад отдаст, – подумал хозяин, ошеломленный таким неожиданным ответом. – Вот тебе и сват. Ни с которого краю к нему не подойдешь. То ли бы дело выпили, разговорились, – оно все само бы и наладилось, а теперь разводи бобы всухую. Ну, и сват, как кривое полено: не уложишь ни в какую поленницу».

Пришлось «огорчиться» одному. Налил себе Харитон Артемьич самую большую рюмку, «протодяконскую», хлопнул и, не закусывая, повторил.

– У нас между первой и второй не дышат, – объяснил он. – Это по-сибирски выходит. У нас все в Заполье не дураки выпить. Лишнее в другой раз переложим, а в компании нельзя. Вот я и стар, а компании не порчу... Все бросить собираюсь.

Дальше хозяин уже не знал, что ему и говорить. Но на выручку появилась Анфуса Гавриловна в своем новом тяжелом шелковом платье, стоявшем коробом, и в купеческой косынке-головке. Она степенно поклонилась гостю. За ней показались девицы. Они жеманно переглянулись, оглядев гостя с ног до головы. Все невесты на подбор: любую бери. Старшая имела скучающий вид, потому что ей уже надоела эта церемония «смотрин», да она плохо и рассчи-

тивала на «судьбу», когда на глазах вертится Харитина. Анфуса Гавриловна с первого раза заметила, что отец успел «хлопнуть» прежде времени, а гость и не притронулся ни к чему.

– Ну-ка, как он теперь откажется, ежели хозяйка угощать будет? – заметил хозяин, глупо хихикнув. – Фуса, ну и гость: ни единой капли...

– Что же, не всем пить, – заметила политично хозяйка, подбирая губы оборочкой. – Честь честью, а неволить не можем.

– Это ты правильно, хозяйюшка, – весело ответил гость. – Необычен я, да и стар. В черном теле прожил всю жизнь, не до питья было.

Хозяин, воспользовавшись случаем, что при госте жена постеснится его оговорить, налил себе третью «протодыяконскую». Анфуса Гавриловна даже отвернулась, предчувствуя скандал. Старшая дочь Серафима нахмурила брови и вопросительно посмотрела на мать. В это время Аграфена внесла миску со щами.

– Садитесь, Михей Зотыч, – приглашала хозяйка. – Не обессудьте на угощении.

– Вот што, милая, – обратился гость к стряпке, – принеси-ка ты мне ломтик ржаного хлеба черствого да соли крупной, штобы с хрустом... У вас, Анфуса Гавриловна, соль на дворянскую руку: мелкая, а я привык по-крестьянски солить.

– Вот это я люблю! – поддержал его хозяин. – Я сам, брат, не люблю все эти трень-брень, а все бабы моду придумывают. Нет лучше закуски, как ржаная корочка с солью да еще с огурчиком.

Серафима была посажена напротив гостя, чтобы вся была на виду. На ней лежала сейчас нелегкая обязанность показать себя в лучшем виде, какой только полагается для девиц. Впрочем, она была опытной в подобных делах и нисколько не стеснялась, тем более что и будущий свекор ничего страшного не представлял своею особой. Мать взглянула на нее всего один раз, и Серафима отлично поняла этот взгляд: «Притворяется старичонко, держи ухо востро, Сима». Когда хозяйка налила гостю тарелку щей, он сделал смешное лицо и сказал еще смешнее:

– Матушка, а ведь я обожгусь серебряною-то ложкой. Мне бы деревянную.

Бойкая Харитина сразу сорвалась с места и опрометью бросилась в кухню за ложкой, – эта догадливость не по разуму дорого обошлась ей потом, когда обед кончился. Должна была подать ложку Серафима.

– Стрела, а не девка! – еще больше некстати похвалил ее захмелевший домовладыка. – Вот посмотри, Михей Зотыч, она и мне ложку деревянную приволокет: знает мой карахтер. Еще не успеешь подумать, а она уж сделала.

Харитина действительно вернулась с двумя ложками, сияющая своею раннею молодостью, веселая, улыбающаяся. Взглянув на мать, она поняла, какую глупость сделала, и раскраснелась еще сильнее – и стала еще красивее. Серафима ела выскочку глазами, и только одна Агния оставалась безучастной ко всему и внимательно рассматривала лысую голову мудреного гостя. Анфуса Гавриловна завела политичный разговор о погоде, о соборном протопопе, об ярмарке и т. д. Она несколько раз давала случай Серафиме вставить словечко, – не прежнее время, когда девки сидели, набравши воды в рот, как немые. Одним словом, Анфуса Гавриловна оказалась настоящим полководцем, хотя гость уже давно про себя прикинул в уме всех трех сестер: младшая хоть и взяла и красотой и удастью, а еще невитое сено, икона и лопата из нее будет; средняя в самый раз, да только ленива, а растолстеет – рожать будет трудно; старшая, пожалуй, подходящее всех будет, хоть и жидковата из себя и модничает лишнее. Ну, в годы войдет и раздобреет, а главное, у ней в глазу огонек есть, – упрямо таково взглянет. По матери девицы издались, нечего напрасно хаять.

Хозяйку огорчало главным образом то, что гость почти ничего не ел, а только пробовал. Все свои ржаные корочки сосет да похваливает. Зато хозяин не терял времени и за жарким переехал на херес, – значит, все было кончено, и Анфуса Гавриловна перестала обращать на

него внимание. Все равно не послушает после третьей рюмки и устроит штуку. Он и устроил, как только она успела подумать.

– Михей Зотыч, вот мои невесты: любую выбирай, – брякнул хозяин без обиняков. – Нет, врешь, Харитину не отдам! Самому дорожке стоит!

– Харитон Артемьич, перестань ты непутевые речи говорить, только девиц конфузишь, – попробовала оговорить мужа Анфуса Гавриловна.

– Я?!. Ты меня учить?..

Гость остановил хозяйский кулак, готовившийся ударить по столу.

– Полюбился ты мне с первого раза, Харитон Артемьич, – проговорил он ласково. – Душа нараспашку... Лишнее скажешь: слышим – не слышим. Вы не беспокойтесь, Анфуса Гавриловна. Дело житейское.

Вспыхнувшая пьяная энергия сразу сменилась слезливым настроением, и Харитон Артемьич принялся жаловаться на сына Лиодора, который от рук отбился и на него, отца, бросился как-то с ножом. Потом он повторил начатый еще давеча разговор о зятях.

– Первого зятя ты у меня видел, – говорил Харитон Артемьич, откладывая один палец. – Он у меня из счету вон, потому как нам низко с писарями родство разводить. Вторая дочь Татьяна вышла за Пашку Булыгина: с моим-то Лиодоркой два сапога пара. Тоже такой зятек, не обрадуешься... Как-то обещался своими руками меня задавить, ежели попадусь. Ну, дурак, а у дурака дурацкий и разговор... А третий зять у меня немец Штофф, – это как, по-твоему? Мы его полуштофом зовем, потому как ростом маленько не дошел... Евлампию дочь у меня этот самый полуштоф сманул, и мне никакого уважения. Хоть бы богатый был, а то шантрапа немец. Одно у него: крещеный по нашему православному закону. Вот какие все патреты вышли!.. Трех дочерей отдал замуж, а доведись – и пообедать ни у одного зятя не пообедает: у писаря мне низко обедать, Пашка Булыгин еще побьет, а немец мой сам глядит, где бы пообедать. А теперь вот этих трех надо замуж выдать. Тоже еще неизвестно, каких зятьев господь пошлет... Только вперед тебе скажу: Харитину не отдам. Ни-ни...

– Харитон Артемьич, будет тебе, – со слезами в голосе молила Анфуса Гавриловна. – Голову ты с дочерей снял.

– Не отдам Харитину! – кричал старик. – Нет, брат, шалишь!.. Самому дорожке стоит!

– Дело божье, Харитон Артемьич, – политично ответил гость, собирая свои корочки в сторону. – А девицам не пристало слушать наши с тобой речи. Пожалуй, и лишнее скажем.

Девушки посмотрели на мать и все разом поднялись. Харитон Артемьич понял свою оплошку и только засопел носом, как давешний иноходец. К довершению скандала, он через пять минут заснул.

– Уж вы не обессудьте на нашем невежестве, – умоляюще проговорила Анфуса Гавриловна, поднимаясь.

– Что же, дело житейское, – наставительно ответил гость и вздохнул. – А кто осудит, тот и грех на себя примет, Анфуса Гавриловна.

– Ах, замаялась я, Михей Зотыч!..

– Главная причина: добрый человек, а от доброго человека и потерпеть можно. Слабеньк Харитон Артемьич к винцу... Ах, житейское дело! Веселенько у вас поживают в Заполье, слыхивал я. А не осужу, никого не осужу... И ты напрасно огорчаешься, мать.

Это простое приветливое слово сразу ободрило Анфусу Гавриловну, и она посмотрела на гостя, как на своего домашнего человека, который сору из избы не вынесет. И так у него все просто, по-хорошему. Старик полюбился ей сразу.

На прощание Михей Зотыч потрепал хозяйшку по плечу и проговорил:

– Хороши твои девушки, хороши красные... Которую и брать, не знаю, а начинают с краю. Серафима Харитоновна, видно, богоданной дочкой будет... Галактиона-то моего видела?

Любимый сын мне будет, хоша мы не ладим с ним... Ну, вот и быть за ним Серафиме. По рукам, сватья...

Анфуса Гавриловна расплакалась. Очень уж дело выходило большое, и как-то сразу все обернулось. Да и жаль Серафиму, точно она ее избывала.

V

Про Заполье далеко шла слава, как про город бойкий, богатый и оборотистый. Он залег в низовьях реки Ключевой, главной артерии благословенного Зауралья, – в самом горле, как говорили старожилы. Река была главной кормилицей. Другим важным обстоятельством было то, что Заполье занимало границу, отделявшую собственно Зауралье от начинавшейся за ним степи, или, как говорили мужики, «орды». В сущности настоящая степь была далеко, но это название сохранялось за тою смешанною полосой, где русская селитьба мешалась с башкирской и казачьими землями. Весь бассейн Ключевой представлял собой настоящее золотое дно, потому что здесь осело крепкое хлебопашественное население, и благодатный зауральский чернозем давал баснословные урожаи, не нуждаясь в удобрениях. С другой стороны, степь давала богатое степное сырье – сало, кожи, конский волос, гурты курдючных баранов и степных быков, косяки степных лошадей и целый ряд бухарских товаров. Бывший пограничный городок захватил в свои руки всю хлебную торговлю и все операции со степным сырьем. Условия были самые благоприятные. Скупленный в Зауралье хлеб доставлялся запольскими купцами на все уральские горные заводы и уходил далеко на север, на холодную Печору, а в засушливые годы сбывался в степь. Заполье пользовалось и степною засухой и дождливыми годами: когда выдавалось сырое лето, хлеб родился хорошо в степи, и этот дешевый ордынский хлеб запольские купцы сбывали в Зауралье и на север, в сухое лето хлеб родился хорошо в полосе, прилегавшей к Уральским горам, где влага задерживалась лесами, и запольские купцы везли его в степь, обменивая на степное сырье. Все шло на пользу начетистому запольскому купцу – и засуха и дождливые годы. Он получал свою выгоду и от дешевого и от дорогого хлеба, а больше всего от тех темных операций в безграмотной простоватой орде, благодаря которым составилось не одно крупное состояние.

Ко всему этому нужно прибавить еще одно благоприятное условие, именно, что ни Зауралье, населенное наполовину башкирами, наполовину государственными крестьянами, ни степь, ни казачьи земли совсем не знали крепостного права, и экономическая жизнь громадного края шла и развивалась вполне естественным путем, минуя всякую опеку и вмешательство. Поэтому и объявленная воля не произвела здесь никаких коренных изменений в общем укладе, а только получилась некоторая разница в названиях. Наш рассказ относится именно к этому периоду, к первой половине шестидесятых годов, когда Заполье находилось в зените своей славы, как главный хлебный рынок и посредник между степью и собственно Россией.

По внешнему виду Заполье ничего особенного из себя не представляло: маленький уездный городок с пятнадцатью тысячами жителей, и больше ничего. Купечество составляло здесь все, и в целом уезде не было ни одного дворянского имения. В Заполье из дворян проживало человек десять, не больше, да и те все были наперечет, начиная с знаменитого исправника Полуянова и кончая приبلудным русским немцем Штоффом, явившимся неизвестно откуда и еще более неизвестно зачем. Остальные дворяне были тоже сомнительного свойства, больше из сибирских выходцев – семинаристы, дослужившиеся до Владимира, оставшие казачьи офицеры и потомки каких-то мифических сибирских князцев. Сообразно этому купеческому складу устроился и весь город. Купец сказывался во всем. Самым живым местом являлся старый гостинный двор, а затем Хлебная улица, усаженная крепкими купеческими хороминами, – два порядка этой улицы со своими каменными белыми домами походили на две гигантских челюсти, жевавших каменными зубами благосостояние Зауралья и прилегавшей к нему «орды». Все эти купеческие дома строились по одному плану: верх составлял парадную половину, пустовавшую от одних именин до других, а нижний этаж делился на две половины, из которых в одной помещался мучной лабаз, а в другой ютилась вся купеческая семья. Все богатое, именитое в Заполье сбилось именно на Хлебной улице и частью на Хлебном рынке,

которым она заканчивалась, точно переходила в громадный желудок. Совершенно отдельно стояли дома купцов-степняков, то есть торговавших степным сыром, как Малыгин. Они большею частью проживали по своим салотопенным заимкам, приютившимся на реке Ключевой выше и ниже города. Река Ключевая должна была бы составлять главную красоту города, но этого не вышло, – городскую стройку отделяло от реки топкое болото в целую версту. Церквей было не особенно много – зеленый собор в честь сибирского святого Прокопия, память которого празднуется всею Сибирью 8 июля, затем еще три церкви, и только. Этим Заполье резко отличалось от коренных российских городов. Сибирь вообще не богомольна, а затем половина запольского купечества держалась старой веры или считалась единоверцами. Остальные улицы были заняты мещанскою стройкой и домами разночинцев. Все это были деревянные домики, в один этаж, с целым рядом служб. И мещанину и разночинцу жилось в Заполье хорошо, благо работы всем было по горло.

– Правильный город, – вслух думал старик Колобов, выходя на Хлебную улицу. – Нечего сказать, хороший город.

День уже склонялся к вечеру, и где-то звонили к вечерне. Летом Хлебная улица пустовала, и у лавок без дела слонялись только приказчики да подрушные. От безделья они с утра до вечера жарили в шашки или с хлыстами в руках гонялись за голубями, смело забирающимися прямо в лавки, где в открытых сусеках ссыпаны были разные крупы, овес и горох. Народ был все рослый, краснорожий, как и следует быть запольским приказчикам. Старик Колобов остановился у одной лавки, где шла ожесточенная игра, сопровождавшаяся веселым ржаньем, прибаутками и тычками, посмотрел на молодцов и только покачал головой.

– Тебе что понадобилось, дедко?

– А вчерашний день потерял, миленькие...

– Проваливай в палевом, приходи в голубом...

Старик шел не торопясь. Он читал вывески, пока не нашел то, что ему нужно. На большом каменном доме он нашел громадную синюю вывеску, гласившую большими золотыми буквами: «Хлебная торговля Т.С.Луковникова». Это и было ему нужно. В лавке дремал благообразный старый приказчик. Подняв голову, когда вошел странник, он машинально взял из деревянной чашки на прилавке копейку и, подавая, сказал:

– Прими, старичок.

– Спасибо, миленький... – отказался странник. – Мне бы Тараса Семеныча повидать.

– Тараса Семеныча? Ступай-ка своей дорогой... Ежели каждый полезет к Тарасу Семенычу, так ему и пообедать некогда будет.

– Может, он почивает?

– Нет, какой теперь сон, когда еще восьмой час на дворе?

– Ну, так я его подожду здесь. Доложи, што некоторый человек очень желает его видеть по некоторому делу.

– Да я тебе мальчик дался?

– Ты-то не мальчик, а послать можешь... Очень бы хотел его повидать.

Прочухавшийся приказчик еще раз смерил странного человека с ног до головы, что-то сообразил и крикнул подрушного. Откуда-то из-за мешков с мукой выскочил молодец, выслушал приказ и полетел с докладом к хозяину. Через минуту он вернулся и объявил, что сам придет сейчас. Действительно, послышались тяжелые шаги, и в лавку заднею дверью вошел высокий седой старик в котиковом картузе. Он посмотрел на странного человека через старинные серебряные очки и проговорил не торопясь:

– Это ты меня спрашивал?

– Видно, я... Аль не узнаешь, Тарас Семеныч?

Старик приподнял голову, еще раз внимательно рассмотрел мудреного человека и с прежним спокойствием проговорил:

– Пойдем в горницы, Михей Зотыч.

Михей Зотыч был один, и торговому дому Луковникова приходилось иметь с ним немалые дела, поэтому приказчик сразу вытянулся в струнку, точно по нему выстрелили. Молодец тоже был удивлен и во все глаза смотрел то на хозяина, то на приказчика. А хозяин шел, как ни в чем не бывало, обходя бунты мешков, а потом маленькою дверцей провел гостя к себе в низенькие горницы, устроенные по-старинному.

– Ну, здравствуй, дорогой гостенек, – поздоровался он, наконец. – Али на богомолье куда накатался?

– Нет, по-дорожному, Тарас Семеныч... Почитай всю Ключевую пешком прошел. Да вот и завернул тебя проводить...

– Так, так... Заходил ко мне Галактион-то, поклончик от тебя сказывал. Да... Невесту высматривать приехали у Малыгиных.

– Есть и такой грех, Тарас Семеныч. Житейское дело... Надо обженить Галактиона-то, пока не избаловался.

– Так, так.

Хозяин что-то хотел сказать, но только посмотрел на гостя своими темными близорукими глазами. Гость понял этот немой вопрос и ответил:

– Сам-то Харитон Артемьич не совсем, а кровь хорошая... Хорошая кровь, нечего хаять.

– Которую выбрал?

– А с краешку, значит, Серафиму. Малость жидковата, а такие-то живущее... Закинул я даве словечко с самой-то. Правильная женщина, обстоятельная...

– Еще бы, из старинного рода Анфуса-то Гавриловна. В свойстве мы с ней, хотя и небольшая родня.

Горницы у Тараса Семеныча были устроены по-старинному, низенькие, с небольшими оконцами, запиравшимися на ночь ставнями, с самодельными ковриками из старого тряпья, с кисейными занавесками, горками с посудой и самым простеньким письменным столом, при-ткнутым в гостиной. Были еще две маленьких комнаты, в одной из которых стояла кровать хозяина и несгораемый шкаф, а в другой жила дочь Устинька с старухой нянькой. Даже на неприхотливый взгляд Михея Зотыча горницы были малы для такого человека, как Тарас Семеныч.

– Ты ведь нынче в больших тысячах, – заговорил гость после длинной паузы. – Надо бы наверх перебраться.

– Ладно и здесь, Михей Зотыч. Как-то обжился, а там пусто, наверху-то. Вот, когда гости наберутся, так наверх зову.

– Другие-то вон как у вас поживают в Заполье. Недалеко ходить, взять хоть того же Харитона Артемьича. Одним словом, светленько живут.

– Другие и пусть живут по-другому, а нам и так ладно. Кому надо, так и моих маленьких горниц не обегают. Нет, ничего, хорошие люди не брезгают... Много у нас в Заполье этих других-то развелось. Модники... Смотреть-то на них тошно, Михей Зотыч. А все через баб... Испотачили бабешек, вот и мутят: подавай им все по-модному.

– Денежки у вас дикие, вот они петухами и поют.

– Есть и такой грех. Не пожалуемся на дела, нечего бога гневить. Взысканы через число... Только опять и то сказать, купца к купцу тоже не применишь. Старинного-то, кондового купечества немного осталось, а развелся теперь разный мусор. Взять вот хоть этих степняков, – все они с бору да с сосенки набрались. Один приказчиком был, хозяина обворовал и на воровские деньги в люди вышел.

– Это ты насчет Малыгина?

– Не один он такой-то... Другие в орде темным делом капитал приобрели, как Харитоншка Булыгин. Известное дело, как там капиталы наживают. Недаром говорится: орда слепая.

Какими деньгами рассчитываются в орде? Ордынец возьмет бумажку, посмотрит и просит дать другую, чтобы «тавро поятнее».

– Фальшивой работы бумажки?

– И своей фальшивой и привозные. Как-то наезжал ко мне по зиме один такой-то хахаль, предлагал купить по триста рублей тысячу. «У вас, говорит, уйдут в степь за настоящие»... Ну, я его, конечно, прогнал. Ступай, говорю, к степнякам, а мы этим самым товаром не торгуем... Есть, конечно, и из мучников всякие. А только деньги дело наживное: как пришли так и ушли. Чего же это мы с тобой в сухую-то тары-бары разводим? Пьешь чай-то?

– Ох, пью, миленький... И грешно, а пью. Великий соблазн, а пью... По нашей-то вере это даже вот как нехорошо.

– Пустяки это все... Чай – знак божий и создан он на потребу человеку. А потом, не сквернит человека входящее во уста, а исходящее из уст... Эй, Матрена!

В дверях показалась старуха няня, из-за которой выглядывала детская русая головка.

– Наставь-ка нам самоварчик, честная мать. Гость у меня... А ты, Устюша, иди сюда. Да не бойся, глупая.

Старик должен был сам подойти к девочке и вывел ее за руку. Устюше было всего восемь лет. Это была прехорошенькая девочка с русыми волосами, голубыми глазками и пухлым розовым ротиком. Простое ситцевое розовое платьице делало ее такою милою куколкой. У Тараса Семеныча сразу изменился весь вид, когда он заговорил с дочерью, – и лицо сделалось такое доброе, и голос ласковый.

– Да ты не бойся, Устюша, – уговаривал он дичившуюся маленькую хозяйку. – Михей Зотыч, вот и моя хозяйка. Прошу любить да жаловать... Вот ты не дождался нас, а то мы бы как раз твоему Галактиону в самую пору. Любишь чужого дедушку, Устюша?

– Не-е-т, – недоверчиво протянула девочка. – Он беззубый.

– Ну, это пустяки: мы ему зубы молодые вставим.

– А я тебе гостинца привезу в другой раз, – пробовал задобрить гость упрямившуюся маленькую хозяйку. – Любишь пряники?

– Подымай выше, – засмеялся счастливый отец. – Нам пряники нипочем, а подавай фрукты.

– Набалуешь дочь, Тарас Семеныч.

– Пока мала, и пусть побалуется, а когда в разум войдет, мы и строгость покажем. Одна ведь она у меня, как перст... Только и свету в окне.

Колобов совсем отвык от маленьких детей и не знал, как ему разговаривать с Устюшей. Впрочем, девочка недолго оставалась у отца и убежала в кухню к няне.

– Вот ращу дочь, а у самого кошки на душе скребут, – заметил Тарас Семеныч, провожая глазами убегающую девочку. – Сам-то стар становлюсь, а с кем она жить-то будет?.. Вот нынче какой народ пошел: козырь на козыре. Конечно, капитал будет, а только деньгами зятя не купишь, и через золото большие слезы льются.

За самоваром старики разговорились. Михей Зотыч снял свою сермяжку и остался в одной синей рубахе.

– Ты это что добрых-то людей пугаешь? – еще раз удивился хозяин улыбаясь. – Бродяга не бродяга, а около этого.

– Да так нужно было, Тарас Семеныч... Ведь я не одну невесту для Галактиона смотреть пришел, а и себя не забыл. Тоже жениться хочу.

– Хорош жених!

– А то как же... И невесту уж высмотрел. Хорошая невеста, а женихов не было. Ну, вот я и пришел... На вашей Ключевой женюсь.

– Н-но-о?

– Верно тебе говорю... Заводы бросаю и всю семью вывожу на Ключевую. Всем работы хватит... И местечко приглядел, повыше Суслона, где малыгинский зять писарит. Ах, хорошо местечко!.. Ужо меленку поставлю.

– А свою бросаешь?

– Жаль, а приходится бросать. Тоже ведь на Ключевой стоит. Своя река-то... Ну, пока мы к заводам обязанные были, так оно некуда было деться, а теперь совсем другое. О сынах надо позаботиться... Дела там мало, в горах. Много ли там хлеба сеют, а здесь у вас приволье. Вот я всю Ключевую наскрость и прошел... Не река, а угодница. Два города стоят, три завода, а сколько фабрик, заимок, мельниц – и не пересчитаешь... Иду и дивлюсь. Верст с триста прошел, а все в виду селенья. Другой такой реки и в Расее с огнем не сыщешь. Ах, хороша речка!

– Большую мельницу-то думаешь строить?

– А уж это как бог приведет... Вот еще как мои-то помощники. Емельян-то, значит, большак, из воли не выходит, а на Галактиона как будто и не надеюсь. Мудреный он у меня.

– Знаю, знаю, что любимый сын... Сам виноват, что набаловал.

– Нет, не то... Особенный он, умственный. Всякое дело рассудит... А то упрется на чем, так точно на пень наехал.

– Постой, Михей Зотыч, а ведь ты неправильно говоришь: наклался ты сына середняка женить, а как же большак-то неженатый останется? Не порядок это.

Гость немного замаялся и только потом объяснил:

– Особенное тут дело выходит, Тарас Семеныч. Да... Не спросился Емельян-то, видно, родителя. Грех тут большой вышел... Там еще, на заводе, познакомился он с одною девицей... Ну, а она не нашей веры, и жениться ему нельзя, потому как или ему в православные идти, или ей в девках сидеть. Так это самое дело и затянулось: ни взад ни вперед.

– И хорошая девушка?

– Ему, значит, хороша, а я не видал.

Луковников был православный, хотя и дружил по торговым делам со староверами. Этот случай его возмутил, и он откровенно высказал свое мнение, именно, что ничего Емельяну не остается, как только принять православие.

– Ведь вот вы все такие, – карал он гостя. – Послушать, так все у вас как по-писаному, как следует быть... Ведь вот сидим вместе, пьем чай, разговариваем, а не съели друг друга. И дела раньше делали... Чего же Емельяну поперек дороги вставать? Православной-то уж ходу никуда нет... Ежели уж такое дело случилось, так надо по человечеству рассудить.

– И то я их жалею, про себя жалею. И Емельян-то уж в годах. Сам не маленький... Ну, вижу, помутился он, тоскует... Ну, я ему раз и говорю: «Емельян, когда я помру, делай, как хочешь. Я с тебя воли не снимаю». Так и сказал. А при себе не могу позволить.

Хозяин только развел руками. Вот тут и толкуй с упрямым старичонкой. Не угодно ли дожидаться, когда он умрет, а Емельяну уж под сорок. Скоро седой волос прошибет.

– Однако я у тебя закалялся, – объявил гость, поднимаясь. – Мне и спать пора... Я ведь, как воробей, поднимаюсь вместе с зарей.

– Да где ты остановился-то, Михей Зотыч?

– А сам еще не знаю где, миленький. Где бог приведет... На постоялый двор куда-нибудь заверну.

– Оставайся у меня. Место найдем.

– Место-то найдется, да я не люблю себя стеснять... А там я сам большой, сам маленький, и никому до меня дела нет.

– Ну, с тобой каши не сваришь. Заходи как-нибудь.

Уходя от Тараса Семеныча, Колобов тяжело вздохнул. Говорили по душе, а главного-то он все-таки не сказал. Что болтать прежде времени? Он шел опять по Хлебной улице и думал

о том, как здесь все переменится через несколько лет и что главной причиной перемены будет он, Михей Зотыч Колобов.

VI

Старик Колобов зажил в Заполье. Он точно обыскивал весь город. Все-то ему нужно было видеть, со всеми поговорить, везде побывать. Сначала все дивились чудному старику, а потом привыкли. Город нравился Колобову, а еще больше нравилась река Ключевая. По утрам он почти каждый день уходил купаться, а потом садился на бережок и проводил целые часы в каком-то созерцательном настроении. Ах, хороша река, настоящая кормилица.

– А вы неладно с городом-то устроились, – говорил Колобов мучникам, жарившим в пашки у своих лавок. – Ох, неладно!

– А чем мы провинились, дедко?

– Да так... Грешным делом, огонек пыхнет, вы за водой, да в болоте и завязнете. Верно говорю... Не беду накликаю, а к примеру.

Все соглашались с ним, но никто не хотел ничего делать. Слава богу, отцы и деды жили, чего же им иначе? Конечно, подъезд к реке надо бы вымостить, это уж верно, – ну, да как-нибудь...

Колобов поджидал сыновей, уезжавших по делам на заводы. Они должны были вернуться давно, да что-то замешкались. Старику пришлось проболтаться в Заполье целых две недели, пока они вернулись. Приехали двое старших, Емельян и Галактион. Они одевались уже по-новому, в пиджаки и сюртуки, как следует быть новым людям. Емельяну уже было под сорок, и на макушке у него просвечивала порядочная лысина. Это был молчаливый человек, занятый какими-то своими мыслями. Много-много, если взглянет на кого, а то и так сойдет. Окладистая русая борода и строгие серые глаза придавали ему вообще довольно суровый вид. Галактион был моложе на целых пятнадцать лет. Это был высокий статный молодец с типичным русским лицом, только что опушенным небольшою бородкой. Ласковые темные глаза постоянно улыбались. У старика Колобова все надежды заключались в Галактионе, – очень уж умный паренек издался. За что ни возьмется, всякая работа горит в руках. Он и механик, и мельник, и бухгалтер, и все, что хочешь. Никакое дело от рук не отобьется.

– Высмотрел я место себе под мельницу, – объяснял старик сыновьям. – Всю Ключевую прошел – лучше не сыскать. Под Суслоном, где Прорыв.

– Что же, будем строиться, – согласился Галактион. – Мы проезжали мимо Суслона. Место подходящее... А только я бы лучше на устье Ключевой поставил мельницу.

– Далеконько отбилась устье-то, почитай в самой орде, – сказал старик, – а Суслон в самом горле... Кругом, как полная чаша.

Пораздумавшись, старик решил, что нужно съездить на устье Ключевой, до которого от Заполья не больше верст шестидесяти.

– Посмотрим, – бормотал он, поглядывая на Галактиона. – Только ведь в устье-то вода будет по весне долить. Сила не возьмет... Одна другую реки будут подпирать.

Емельян, по обыкновению, молчал, точно его кто на ключ запер. Ему было все равно: Суслон так Суслон, а хорошо и на устье. Вот Галактион другое, – у того что-то было на уме, хотя старик и не пытался прежде времени.

Поездка на устье Ключевой являлась одной прогулкой, – так было все хорошо кругом. Сначала старик не соглашался ехать на лошадях и непременно хотел идти пешком, но Галактион его уломал. Дорога шла правым степным берегом, где зеленым ковром расстилались поемные луга, а за ним разлеглась уже степь, запаханная только наполовину. И селитьба здесь пошла редкая. Похаять места, конечно, нельзя, а все-таки не то, что под Суслоном. Быстрою сибирскою ездой шестьдесят верст сделали в пять часов: выехали пораньше утром, а к десяти часам были уже на месте.

– Вот это так место! – проговорил Галактион, когда дорожный коробок остановился на мысу.

Действительно, картина была замечательная. Глубокий Тобол шел по степи «в трубе», точно в нарочно прорытой канаве. Ключевая впадала с левой стороны, огибая отлогий мыс, известный под названием Городища, потому что на нем еще сохранились следы старых земляных валов и глубоких рвов. Место слияния двух рек образовало громадное плесо, в котором вода сейчас стояла, как зеркало. Михей Зотыч долго ходил по берегу, присматривая открывавшуюся даль из-под руки. Он что-то бормотал себе под нос, крутил головой и, наконец, вырешил все дело:

– Какое же это место? Тут надо какую плотину – страшно вымолвить... Да и весной вода вон куда поднимается.

Он показал размывы берега, где черта водяного весеннего уровня была налицо.

– Тут надо каменную плотину налаживать, да и ту прорвет, – ворчал старик, тыкая своею черемуховую палкой в водороины.

– А я бы так не ушел отсюда, – думал вслух Галактион, любуясь местом.

– Ведь что только можно здесь сделать, родитель!

– Ну-ка, што? – поддразнил старик.

– Пароходную пристань вот тут, а повыше буян для склада всяких товаров... Вот что!

– А пароходы где?

– За пароходом дело не встанет... По другим-то местам везде пароходы, а мы все гужом волокем. Отсюда во все стороны дорога: под Семипалатинск, в степь, на Обь к рыбным промыслам... Работы хватит.

Галактион даже закрыл глаза, рисуя себе заманчивую картину будущего пароходства. Михей Зотыч понял, куда гнул любимый сын, и нахмурился. Не о пустяках надо было сейчас думать, а у него вон что на уме: пароходы... Тоже придумает.

– Ну, уж ты сам ездил на своих пароходах, – ворчал он, размахивая палкой, – а мы на берегу посидим.

– Одно другому не мешает, родитель.

– А вот и мешает! За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь... Надо выкинуть дурь-то из головы. Я вот покажу тебе такой пароход...

Повернувшись к Галактиону, старик неожиданно проговорил:

– Я тебе невесту высватал, дураку, а у тебя пароходы на уме. Благодарить будешь.

Галактион ничего не ответил отцу, а только опустил глаза. Он даже не спросил, кто невеста. Это последнее окончательно возмутило старика, и он накинулся на своего любимца с неожиданною яростью:

– Да ты што молчишь-то, пенё березовый?... Я для него убиваюсь, хлопочу, а он хоть бы словечко.

– Что же мне говорить? – замялся Галактион. – Из твоей воли я не выхожу. Не перечу... Ну, высватал, значит так тому делу и быть.

– А для кого я хлопотал-то, дерево ты стоеросовое?... Ты что должен сделать, идол каменный? В ноги мне должен кланяться, потому как я тебе судьбу устраиваю. Ты вот считаешь себя умником, а для меня ты вроде дурака... Да. Ты бы хоть спросил, какая невеста-то?... Ах, бесчувственный ты истукан!

– Знаю, какая-такая невеста, – уже спокойно ответил Галактион, поднимая глаза на отца. – Что же, девушка хорошая... Немножко в годках, ну, да это ничего.

– Ну, а еще-то што? Ну, договаривай.

– А еще то, родитель, что ту же бы девушку взять да самому, так оно, пожалуй, и лучше бы было. Это я так, к слову... А вообще Серафима Харитоновна девица вполне правильная.

– Вот как ты со мной разговариваешь, Галактион! Над родным отцом выкомуливаешь!.. Хорошо, я тогда с тобой иначе буду говорить.

Эта сцена более всего отозвалась на молчавшем Емельяне. Большак понимал, что это он виноват, что отец самовольно хочет женить Галактиона на немилрой, как дельвалось в старину. Боится старик, чтобы Галактион не выкинул такую же штуку, как он, Емельян. Вот и торопится... Совестно стало большаку, что из-за него заедают чужой век. И что это накатилося на старика? А Галактион выдержал до конца и ничем не выдал своего настроения.

Упрямый старик сердился всю дорогу и все поглядывал на Галактиона, который не проронил ни слова. Подъезжая к Заполю, Михей Зотыч проговорил:

– Думал я, по осени сыграем свадьбу... По-хорошему, думал, все дельце пойдет. А теперь другое... Да. Через две недели теперь свадьба будет.

– А по мне все равно, – проворчал Галактион. – Хоть завтра.

– Ты у меня поговори, Галактион!.. Вот сынка бог послал!.. Я о нем же забочусь, а у него пароходы на уме. Вот тебе и пароход!.. Сам виноват, сам довел меня. Ох, согрешил я с вами: один умнее отца захотел быть и другой туда же... Нет, шабаш! Будет веревки-то из меня вить... Я и тебя, Емельян, женю по пути. За один раз терпеть-то от вас. Для кого я хлопочу-то, галманы вы этикие? Вот на старости лет в новое дело впутываюсь, петлю себе на шею надеваю, а вы...

Михей Зотыч ужасно волновался и несколько раз ссылаясь на покойную жену, которая еще не так бы поступила с ослушниками отцовской воли.

– Она не посмотрела бы, что такие лбы выросли... Да!.. – выкрикивал старик, хотя сыновья и не думали спорить. – Ведь мы так же поженились, да прожили век не хуже других.

Братья нисколько не сомневались, что отец не будет шутить и сдержит свое слово. Не такой человек, чтобы болтать напрасно. Впрочем, Галактион ничем не обнаруживал своего волнения и относился к своей судьбе, как к делу самому обыкновенному.

Вообще вся колобовская семья была какая-то странная, что объясняется отчасти их генеалогией. Первым объявился на Урале дедушка Колобок; он был из сибирских беглых. Пробираясь из Сибири в Расею, он застрял на одном из горных уральских заводов, женился, да так и остался навсегда. Откуда он был родом и кто такой – никто не знал, даже единственный сын Михей Зотыч. Дед не любил говорить о своем прошлом. Известно было только одно, что он был «по старой вере». На заводах в то время очень нуждались в живой рабочей силе и охотно держали бродяг, скрывая их по рудникам и отдаленным куреням и приискам. Дед так и прожил «колобком» до самой смерти, а сын, Михей Зотыч, уже был приписан к заводским людям, наравне с другими детьми. Этому «заводскому сыну» пришлось пройти очень тяжелую школу, пока он выбился в люди, то есть достиг известной самостоятельности. Время было крепостное, суровое, а на заводах царили порядки доброго каторжного времени. Михей Зотыч проходил «механический цех», потом попал к паровым котлам, потом на медный рудник к штанговой машине, откачивавшей из шахты воду, потом к лесным поставкам, – одним словом, прошел сложный и тяжелый путь. Его спасли так называемые отрядные работы, которые сдавались своим же заводским рабочим с торгов. Тут впервые сказала вся сметка и находчивость недавнего простого рабочего. Он быстро выдвинулся вперед и начал копить деньги. Так продолжалось лет десять. В это время Михей Зотыч успел жениться и обзавелся своим домком. Одно оставалось у него на душе – и при деньгах он оставался подневольным человеком, неся отцовское иго. Добиться воли, сбросив с себя отцовский плен, сделалось заветною мечтой настойчивого и предприимчивого человека. Но выкупиться богатому подрядчику из заводской неволи было немыслимо: заводы не нуждались в деньгах, как помещики, а отпустить от себя богатого человека невыгодно, то есть богатого по своей крепостной заводской арифметике. Но тут спас Михея Зотыча счастливый случай. Нужно было соединить каналом одну горную речку с заводским прудом. Русские инженеры, делавшие промеры, решили, что это невозможно. Их сменил какой-то французский инженер и подтвердил то же самое. Тогда

Михей Зотыч «прошел линию» с своим бурачком с водой и заявил, что проведет канал, если ему дадут вольную. Работы по приблизительным сметам равнялись тридцати тысячам рублей. Счет шел на ассигнации, но эти крепостные ассигнации стоили дороже вольных серебряных рублей. Заводоуправление согласилось, – вероятно, в виде курьеза, – и через три года работы канал был готов и самым блестящим образом оправдал все расчеты самоучки-инженера.

Получив вольную (действие происходило в сороковых годах), Михей Зотыч остался на заводах. Он арендовал у заводовладельца мельницу в верховьях Ключевой и зажил на ней совсем вольным человеком. Нужно было снова нажить капитал, чтобы выступить на другом поприще. И этот последний шаг Михей Зотыч делал сейчас.

VII

Дело со свадьбой быстро пошло вперед. Двухнедельный срок, данный Михеем Зотычем, поднял малыгинский дом вверх дном. Анфуса Гавриловна просто сбилась с ног с своими бабьими хлопотами. Оказалось, как всегда бывает в таких случаях, что и того нет, и этого недостает, и третьего не хватает, а о четвертом и совсем позабыли. И в то же время нужно было сделать все по-настоящему, чтобы не осрамиться перед другими и не запереть ход оставшимся невестам. Чужие-то люди все заметят и зубы во рту у невесты пересчитают, и Анфуса Гавриловна готова была вылезти из кожи, чтобы не осрамить своей репутации. А тут еще наехали разные тетки, свояченицы и дальние родственницы, и каждая чем-нибудь расстраивала.

– Женишок, нечего хаять, хорош, а только капитал у них сумнительный, да и делить его придется промежду тремя братьями, – говорила тетка со стороны мужа. – На запольских-то невест всякий позарится, кому и не надо.

– Ну, капитал дело наживное, – спорила другая тетка, – не с деньгами жить... А вот карахтером-то ежели в тятеньку родимого женишок издастся, так уж оно не того... Михей-то Зотыч, сказывают, двух жен в гроб заколотил. Аспид настоящий, а не человек. Да еще сказывают, что у Галактиона-то Михеича уж была своя невеста на примете, любовным делом, ну, вот старик-то и торопит, чтобы огласки какой не вышло.

Анфуса Гавриловна все это слышала из пятого в десятое, но только отмахивалась обеими руками: она хорошо знала цену этим расстройным свадебным речам. Не одно хорошее дело рассыпалось вот из-за таких бабьих шепотов. Лично ей жених очень нравился, хотя она многого и не понимала в его поведении. А главное, очень уж пришелся он по душе невесте. Чего же еще надо? Серафимочка точно помолодела лет на пять и была совершенно счастлива.

– Высидела жениха, – шептали бедные родственницы, не могшие простить этого счастья и подыскивавшие что-нибудь неприятное. – Ну, да ему, голенькому, как раз по зубам невеста-перестарок.

Теперь весь верх малыгинского дома был занят женщинами, хлопотавшими около невестина приданого. Особенно хорошо было по вечерам, когда наезжали со всего Заполья подруги невесты и все комнаты наполнялись беззаботным девичьим смехом, молодыми голосами и старинными свадебными песнями. Сколько тут было хорошеньких девичьих лиц, блестящих молодостью глаз и того беспричинного веселья, которое приходит и уходит вместе с молодостью. Выворочены были из кладовых старинные сундуки с заготовленным уже раньше приданым, по столам везде разложены всевозможные новые материи, – одним словом, работа шла вовсю. Делалось все это, между прочим, и с тою целью, чтобы все видели, как Малыгины выдают дочь замуж. Из всех девушек веселилась, главным образом, Харитина, на которую теперь мать почему-то особенно ворчала и не давала прохода.

– И что ты хвостом-то повертываешь, бессовестная? – ворчала Анфуса Гавриловна. – Ты у меня смотри, я до тебя доберусь!

– Мамынька, да что вы в самом-то деле привязываетесь ко мне?

– погоди, я тебе покажу, вертихвостка!

Особенно доставалось Харитине, когда приезжал жених. Анфуса Гавриловна не спускала глаз с нее. Дело доходило до подзатыльников и слез.

– А не лезь на глаза, не представляйся! – как-то по-змеиному шипела Анфуса Гавриловна. – Вон другие-то девушки прячутся от мужчин, а ты все на выставку, все на выставку!

– Мамынька, да, право же, ей-богу, я ничего... Я тоже буду прятаться.

Жених держал себя с большим достоинством и знал все порядки по свадебному делу. Он приезжал каждый день и проводил с невестой как раз столько времени, сколько нужно – ни

больше, ни меньше. И остальных девушек не забывал: для каждой у него было свое словечко. Все невестины подруги полюбили Галактиона Михеича, а старухи шептали по углам:

– Ну, этот из молодых да ранний! Пожалуй, другим-то зятьям и пикнуть не даст.

Нравился девушкам и другой брат, Емельян. Придет на девичник, сядет в уголок и молчит, как пришитый. Сначала все девушки как-то боялись его, а потом привыкли и насмелились до того, что сами начали приставать к нему и свои девичьи шутки шутить.

– Емельян Михеич, расскажите сказочку! Емельян Михеич, спойте песенку!

А Емельян Михеич сидит и только молча улыбается. Самые смелые девушки кончали тем, что стали примеривать на него невестины наряды, надевали на него чепцы и шляпы и хохотали до слез. Одно появление Емельяна уже вызывало общее веселье, и девушки нападали на него всею гурьбой, как осиное гнездо. А он все молчал и только улыбался. При нем не стеснялись и болтали все, что взбредет в голову, его же тащили во все девичьи игры и шалости, теребили за бороду, целовали и проделывали всякие дурачества, особенно когда старухи уходили после обеда отдохнуть. С другими мужчинами не смели и сотой доли того сделать, а жениха даже побаивались, хотя на вид он и казался ласковее. Все чувствовали, что жених только старается быть вежливым и что его совсем не интересуют девичьи шутки и забавы.

И действительно, Галактион интересовался, главным образом, мужским обществом. И тут он умел себя поставить и просто и солидно: старикам – уважение, а с другими на равной ноге. Всего лучше Галактион держал себя с будущим тестем, который закрутил с самого первого дня и мог говорить только всего одно слово: «Выпьем!» Будущий зять оказывал старику внимание и делал такой вид, что совсем не замечает его беспросыпного пьянства.

– Богоданный тятенька, вы бы на террасе посидели... Оно на свежем воздухе приятнее.

Такое поведение, конечно, больше всего нравилось Анфусе Гавриловне, ужасно стеснявшейся сначала перед женихом за пьяного мужа, а теперь жених-то в одну руку с ней все делал и даже сам укладывал спать окончательно захмелевшего тестя. Другим ужасом для Анфусы Гавриловны был сын Лиодор, от которого она прямо откупалась: даст денег, и Лиодор пропадет на день, на два. Когда он показывался где-нибудь на дворе, девушки сбивались, как овечье стадо, в одну комнату и запирались на ключ.

Раз все-таки Лиодор неожиданно для всех прорвался в девичью и схватил в охапку первую попавшуюся девушку. Поднялся отчаянный визг, и все бросились врассыпную. Но на выручку явился точно из-под земли Емельян Михеич. Он молча взял за плечо Лиодора и так его повернул, что у того кости затрещали, – у великого молчальника была железная сила.

– Да ты, черт, не очень того! – бормотал потерявшийся Лиодор. – Мы и сами с усами. Мелкими можем расчет дать!

Емельян только показал глазами на окошко, а потом вытолкал Лиодора в дверь. Девушки не знали, как и благодарить великодушного силача, который опять молча улыбался.

Появилась в малыгинском доме и Евлампия Харитоновна, или, по-домашнему, «полупштофова жена». Прямой ссоры с зятем-немцем у Малыгиных не было, но и родственной близости не выходило. Видались больше по праздникам да на именинах. Евлампия была большая модница и щеголяла напропалую. И на свадьбу она явилась в таком платье, что все ахнули. Все удивлялись только одному, откуда хитрый немец берет деньги, чтобы так наряжать жену: ни торговли, ни службы, ни определенных занятий, ни капитала, а живет на широкую ногу. Познакомившись с женихом, Евлампия сделала презрительное движение плечами и только заметила:

– Не большого бобра убили, мамынька!

– Какого еще тебе жениха нужно, Евлампия? – обиделась Анфуса Гавриловна. – Все завидуют... Пожалуй, почище твоего-то немца будет.

– Ну, моего немца вы оставьте, мамынька. Вы ему теперь цены еще не знаете.

– То-то он что-то уж очень скрывает свою цену, – ядовито заметила Анфуса Гавриловна. – Как будто и другие тоже ничего не замечают.

Вечерком заглянула и Татьяна Харитоновна, бывшая за Булыгиным. Она урвалась из дому тайком, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Серафимина жениха. Не красно жилось Татьяне, похудела она, как щепка, под глазами синие круги. Болело о ней сердце у Анфусы Гавриловны, постоянно болело, а помочь было нечем. Такая уж неудача родилась. Она посмотрела на жениха из другой комнаты, похвалила и незаметно ушла домой, точно боялась своим присутствием нарушить веселье в отцовском доме. Анфуса Гавриловна даже всплакнула потихоньку, – очень уж жаль ей было Татьяны. Кажется, всех бы дочерей собрала под свое материнское крыло и никому не дала бы в обиду. Вот и Анны, писаревой жены, тоже нет на свадьбе, и мать не раз о ней вспомнила. Так, ни за грош девку загубили... Отец и слышать ничего не хотел о суслонском писаре.

– Ну что, каков жених? – спрашивала Анфуса Гавриловна, провожая Татьяну по черной лестнице.

– Женихи-то все хороши, мамынька, – уклончиво ответила Татьяна. – Ничего, хороший. Женихов-то, как гусей, по осени считают. Что-то очень уж ласковый. Я это так, к слову.

– Не буян бы да не пьяница, Татьянушка! А наша Серафима прямо ума решилась. Горит вся.

– Дай бог, мамынька.

– Ох, Татьянушка, болит у меня сердце за всех вас! Вот как болит! Хотела выписать Анну из Суслона, да отец сразу поднялся на дыбы: слышать не хочет.

В Заполье еще сохранились старинные свадебные обряды, хотя они и перемешались с новыми модными обычаями. Колобовская свадьба благодаря спеху прошла кое-как в этом отношении, и старухи, собравшиеся на свадьбу, сильно пеняли на старика Колобова. Куда ускорился старичонко, подумаешь, а дело не таковское. Блох ловить торопятся, а жену берут честь-честью. Не было настоящего сватовства, не было рукобитья, а прямо начали с девичников, точно на пожар погнали. Опытные старушки ничего хорошего в этом спехе не видели и сулили молодым незадачу. Конечно, все это говорилось по углам, а не в глаза мужниной и жениной родне. Ломался старый вековой обычай, а это не к добру. Сам-то Михей Зотыч небось и глаз не казал на свадьбу, а отсиживался у себя на постоялом дворе да на берегу Ключевой. Все обсудили старушки, все вызнали и по-своему рассудили дело: неправильная свадьба и все равно проку не будет. Вон и жених уж сейчас туманный ходит.

Веселилась и радовалась одна невеста, Серафима Харитоновна. Очень уж по сердцу пришелся ей молодой жених, и она видела только его одного. Скорее бы только все кончилось... С нею он был сдержанно-ласков, точно боялся проявить свою жениховскую любовь. Только раз Галактион Михеич сказал невесте:

– Вы доброю волею за меня идете, Серафима Харитоновна? Пожалуйста, не обижайтесь на меня: может быть, у вас был кто-нибудь другой на примете?

– Что вы, Галактион Михеич, – смущенно ответила невеста. – Никого у меня не было и никого мне не нужно. Я вся тут. Сами видите, кого берете. Как вы, а я всей душой...

Галактиону Михеичу вдруг сделалось совестно, потому что он не мог ответить невесте так же искренне и просто. Собственно невеста ему и нравилась, ему хотелось иногда ее приласкать, сказать ласковое словечко, но все как-то не выходило, да и свадебные гости мешали. Жениху с невестой не приходилось оставаться с глазу на глаз.

Однажды вечером на девичнике, когда девушки запели старинную песню:

Расступитесь, люди добрые, Дайте-ко мне путь-дороженьку, Что на все на четыре стороны!

Мне идти к родному батюшке!.. – у жениха вдруг упало сердце, точно он делал что-то нехорошее и кого-то обманывал, у него даже мелькнула мысль, что ведь можно еще отказаться, время не ушло, а впереди целая жизнь с нелюбимой женой. Но это было только проявление минутной слабости. Ничего не оставалось, как идти до конца. Взглянув на пригорюнившегося

брата Емельяна, Галактион понял, что они оба охвачены одним сомнением, оба думали одну думу и оба приходили к одному заключению. Да, суженой-ряженой, видно, на коне не объедешь.

VIII

На свадьбе Галактион перезнакомился со всем Запольем, потому что теперь в малыгинский дом валили званый и незваный. Это тоже старинный обычай, и чем больше гостей, тем больше почету невестину дому. Даже старые недруги могли приходить, и старое зло на время забывалось. Из приходивших в малыгинский дом большинство были купцы средней руки. Знать составляли такие именитые люди, как старик Луковников и запольский богач Евграф Огибенин. Огибенинский купеческий род пользовался громадной популярностью во всем округе, центр которого составляло Заполье. Еще деды вели здесь торговлю и завязывали первые узлы. Нынешний Евграф Огибенин являлся последним словом купеческого прогресса, потому что держал себя совсем на господскую ногу: одевался по последней моде, волосы стриг под гребенку, бороду брил, усы завивал и в довершение всего остался старым холостяком, чего не случалось в купечестве, как стояло Заполье.

– Пошел род на перевод, – говорил старик Луковников, особенно недолюбливавший Евграфа.

Другие называли Огибенина просто «Еграшкой модником». Анфуса Гавриловна была взята из огибенинского дома, хотя и состояла в нем на положении племянницы. Поэтому на малыгинскую свадьбу Огибенин явился с большим апломбом, как один из ближайших родственников. Он относился ко всем свысока, как к дикарям, и чувствовал себя на одной ноге только с Евлампией Харитоновной.

Из всей этой малыгинской родни и сборных гостей Галактиону ближе всех пришелся по душе будущий родственник, немец Штофф. Это был небольшого роста господин, немного припадавший на левую ногу. Лицо у немца было совсем русское и даже обросло по-русски какою-то мочальной бородашкой. Знакомство состоялось как-то сразу, и будущие зятя полюбили друг друга.

– Я здесь совсем чужой, – откровенно объяснял Штофф. – Да и вы тоже не совсем свой... Впрочем, ничего, привыкнете со временем. Первое время мне приходилось довольно-таки тяжеленько, а теперь ничего, обтерпелся.

В разговоре немец постоянно улыбался и немного подмигивал правым глазом, точно этот глаз у него тоже прихрамывал, как левая нога.

– И знаете, на чем я сошелся с ними? – объяснял он. – На водке... У меня счастливый желудок, а это здесь считается величайшим достоинством. Мне это много помогло.

Немец жил в Заполье лет пять и знал всех наперечет, а также знал и все торговые дела.

– Зачем вы здесь живете, Карл Карлыч? – спрашивал Галактион в том же откровенном тоне, в каком начал немец.

– Зачем? – удивился Штофф. – О, батенька, здесь можно сделать большие дела!.. Да, очень большие! Важно поймать момент... Все дело в этом. Край благодатный, и кто пользуется его богатствами? Смешно сказать... Вы посмотрите на них: никто дальше насиженного мелкого плутовства не пошел, или скромно орудует на родительские капиталы, тоже нажитые плутовством. О, здесь можно развернуться!.. Только нужно людей, надежных людей. Моя вся беда в том, что я русский немец... да!

Этим Штофф открывал свои карты, и Галактион понял, почему немец так льнет к нему. Лично он ему очень нравится, как человек обстоятельный и энергичный. Что же, в свое время хитрый русский немец мог пригодиться.

Свадебное дело близко шло к развязке.Guestов набиралось все больше и больше. Появились какие-то совсем неизвестные люди, которых знал по своим степным делам один Харитон Артемьич, но сейчас отрекся от них обеими руками. Это были купцы из глухих пограничных степных городков. Народ все рослый и совсем дикий. Из них запольские купцы

признали только одного, известного степного богатыря Сашку Горохова, крестившегося четырехпудовою гирей. Этот Сашка Горохов быстро сделался настоящим героем дня, потому что никто не мог его перепить, даже немец Штофф. И вид у него был какой-то несообразный, как у старинного бронзового памятника какому-нибудь герою, – бычья шея, маленькая голова, невероятной величины руки и ноги. Эту фундаментальную структуру степного богатыря портила только сильная сутуловатость. К довершению курьеза Сашка говорил какою-то жалобною тоненькою фистулой и шепелявил, как младенец. Харитон Артемьич впился в него, как клещ, и не отходил. Сам уж он допился до того, что не мог отличить водки от воды, чем и пользовались, а зато любовался подвигами Сашки, получившего сразу кличку «луженого брюха».

– Саша, выпей!

Саша молча наливал чайный стакан водки и молча его выпивал, точно выливал в какое-то подполье.

– А еще можешь, Саша?

– Могу-с, – слащаво пищал Саша и выпивал второй стакан.

Около этого богатыря собиралась целая толпа поклонников, следивших за каждым его движением, как следят все поклонники за своими любимцами. Разве это не артист, который мог выпивать каждый день по четверти ведра водки? И хоть бы пошатнулся. Таким образом, Сашка являлся главным развлечением мужской компании.

Появились и другие неизвестные люди. Их привел неизвестно откуда Штофф. Во-первых, вихлястый худой немец с бритой верхней губой, – он говорил только вопросами: «Что вы думаете? как вы сказали?» Штофф отрекомендовал его своим самым старым другом, который попал в Заполье случайно, проездом в Сибирь. Фамилия нового немца была Драке, Федор Федорыч.

– О, это большой человек! – по секрету сообщал Штофф жениху. – Настоящий большой человек!

А большой немец как-то особенно глупо хлопал глазами, вытягивал тонкую гусиную шею, сосал какие-то лепешки и спрашивал с удивлением:

– Зачем они женятся? Что? Разве это необходимо для каждого русского купца? А впрочем, может быть, я плохо понимаю по-русски?

Не получая ответа на такие вопросы, немец принимал сонный вид и начинал сосать свои лепешки.

Этот потешный немец сделался жертвой знаменитого запольского исправника Полуянова, только что вернувшегося из уезда. Имя Полуянова гремело далеко и наводило панику своим зверством, особенно с купцами. Это был плечистый, среднего роста мужчина, с каким-то дубленным загаром энергичного лица, – он выбился в исправники из знаменитых сибирских фельдъегерей. Ходил Полуянов всегда в военной тужурке, заложив руки в карманы. В компании он был милейшим человеком – забавник, балагур, питух, песенник, бабий угодник, – на все руки. Но стоило ему только оставить веселую компанию, как сейчас же он превращался в зверя. Тяжелая была рука у Ильи Фирсыча Полуянова, и недаром его называли дантистом. Сейчас Полуянов старался наверстать пропущенное время и успевал напиваться по три раза в день. В светлые промежутки он занимался травлей нового немца, потешая почтенную публику разными выходками. Лучшим номером в этом репертуаре был тот, когда Полуянов незаметно усаживал рядом с Драке только что приехавшего богатого степного татарина Шахму.

– Шалтай-балтай, поговори с немцем, – упрашивал Полуянов. – В ножки поклонюся твоей татарской образине.

– Мало-мало калякаем немца... – бормотал Шахма, грузно подсаживаясь к Драке. – Эй, знаком, карта гуляешь?

– Зачем карта?

– Э-э... Шахма любит карта... Один карта на левой нога, другой карта на правой нога. Купца много смеял, а Шахма много платил... Исправник любит деньга Шахма... Шахма любит исправник.

Этот Шахма был известная степная продувная бестия; он любил водить компанию с купцами и разным начальством. О его богатстве ходили невероятные слухи, потому что в один вечер Шахма иногда проигрывал по несколько тысяч, которые платил с чисто восточным спокойствием. По наружности это был типичный жирный татарин, совсем без шеи, с заплывшими узкими глазами. В своей степи он делал большие дела, и купцы-степняки не могли обойти его власти. Он приехал на свадьбу за триста верст.

– Да разве я тебя звал? – удивлялся Харитон Артемьич, продирая глаза.

– Виделись-то еще в прошлом году.

– Ну, тогда и звал, – невозмутимо отвечал Шахма. – Сама говорил: девка буду пропивать, приезжай, Шахма. Вот я и гулял на твой свадьба.

– А водку не выучился пить?

– Закон Шахме не велит... Карта гулял, деньга платил, а водка тебе оставлял.

Полуянов значительно оживил свадебное торжество. Он отлично пел, еще лучше плясал и вообще был везде душой компании. Скучавшие девушки сразу ожили, и веселье полилось широкою рекой, так что стоном стон стоял. На улице собиралась целая толпа любопытных, желавшая хоть издали послушать, как тешится Илья Фирсыч. С женихом он сейчас же перешел на «ты» и несколько раз принимался целовать его без всякой видимой причины.

– Мы ведь тут, каналья ты этакая, живем одною семьей, а я у них, как посаженный отец на свадьбе... Ты, ангел мой, еще не знаешь исправника Полупьянова. За глаза меня так навешивают. Хорош мальчик, да хвалить некому... А впрочем, не попадайся, ежели что – освежую... А русскую хорошо пляшешь? Не умеешь? Ах ты, пентюх!.. А вот постой, мы Харитину в круг выведем. Вот так девка: развеи горе веревочкой!

Устраивался круг, и Полуянов пускался в пляс. Харитина действительно плясала русскую мастерски, и мать только удивлялась, где она могла научиться разным вывертам. Такая пляска заканчивалась каким-нибудь неистовым коленом разудалого исправника: он начинал ходить колесом, кувыркался через голову и т. д.

Последними уже к большому столу явились два новых гостя. Один был известный поляк из ссыльных, Май-Стабровский, а другой – розовый, улыбавшийся красавец, еврей Ечкин. Оба они были из дальних сибиряков и оба попали на свадьбу проездом, как знакомые Полуянова. Стабровский, средних лет господин, держал себя с большим достоинством. Ечкин поразил всех своими бриллиантами, которые у него горели везде, где только можно было их посадить.

– Вот так штука: жид на свадьбе проявился! – дивились добродушные запольские купцы и видели в этом новую дурную примету.

Но Полуянов всех успокоил. Он знал обоих еще по своей службе в Томске, где пировал на свадьбе Май-Стабровского. Эта свадьба едва не закончилась катастрофой. Когда молодых после венца усадили в коляску, лошади чего-то испугались и понесли. Плохо пришлось бы молодым, если бы не выручил Полуянов: он бросился к взбесившимся лошадям и остановил их на всем скаку, причем у него пострадал только казенный мундир.

– Мои сибирские дружки, – хвалился Полуянов, представляя незваных гостей. – Захотят – купят и продадут все наше Заполье и еще сдачи дадут.

Штофф отвел таинственно жениха в сторону, огляделся и сообщил:

– Вы ничего не слыхали про Ечкина, Бориса Яковлича Ечкина?

– Нет, не слыхал.

Штофф приподнял плечи, повертел у своего лба пальцем и торжественно проговорил:

– Это, голубчик, гениальнейший человек, и другого такого нет, не было и не будет. Да...

Положим, он сейчас ничего не имеет и бриллианты поддельные, но я отдал бы ему все, что

имею. Стабровский тоже хорош, только это уж другое: тех же шей, да пожиже клей. Они там, в Сибири, большие дела обдeldывали.

Галактион с особенным вниманием посмотрел на Ечкина и еще раз удивился: решительно ничего особенного в нем не было. Просто какой-то приказчик из магазина с золотыми вещами. И улыбается глупо и глазами шмыгает. А впрочем, кто их знает, – Штофф зря не будет говорить. Курьезнее всего вышло то, как напыжился Евграф Огибенин на новых гостей, затмивших его и костюмами и галантерейностью обращения. Особенно проклятый жид его возмущал, – со всеми перезнакомился, всем успел сказать что-нибудь приятное и сейчас же уселся с Шахмой за карточный стол. Нечего сказать, увертливый жид, а держит себя в размажку, как будто уж совсем не по-жидовски. Дамы находили тоже, что сибирский жид скорее походит на ярославского лихого коробейника.

Венчание молодых происходило, по старому обряду, в старинной раскольничьей моленной. Провожавшие молодых все оделись по старинке: мужчины в длиннополые кафтаны, а женщины в сарафаны. Невеста в этом наряде была совсем хороша, и жених ею невольно любовался. Замечательный этот женский русский костюм, он ко всякой идет – к красивой и некрасивой, к молодой и старой. Но Галактион просто ахнул, когда среди провожавших невесту он увидел Харитину: это была такая красавица, что у него на душе захолонуло. В детстве он испытывал подобное же чувство, когда на качелях подкидывало вверх. Да, она стояла перед ним, сама красота, и жгла-палила своими девичьими глазами его сердце... Эта встреча произошла уже в моленной, куда жених уехал вперед и там ожидал невесту. У него все завертелось перед глазами, и во время самого обряда венчания он не мог избавиться от преступной теперь мысли о другой девушке. Да и обряд венчания по старинным уставам, с крюковыми напевами, ничего веселого не имел, и Галактиону казалось, что он уже умер и его хоронят. Ему сделалось страшно, страшно за себя, за ту девушку, которая сегодня делается его подругой на всю жизнь... Не скрылось это настроение жениха от следивших за каждым его шагом женских глаз, и зашумели сдержанные голоса, точно шумела шелковая материя.

Дома оставались купцы из православных, как старик Луковников, привезший почти насильно упрявившегося Михея Зотыча, да игроки в карты. Метал банк сначала Ечкин и проигрался. Понтировавший ему Евграф Огибенин с особенным удовольствием положил в свой бумажник несколько сторублевых ассигнаций, – игра шла, ввиду малого времени, крупными цифрами. Ечкина сменил Стабровский и тоже проигрался. Выигрывали Огибенин и Шахма. Последний задыхался от радости и спускал выигранные деньги куда-то за пазуху, точно в подвал. Кончилось тем, что начал метать Огибенин и в несколько талий проиграл не только все, что выиграл раньше, но и все деньги, какие были при нем, и деньги Шахмы. Все выиграл Стабровский и даже не моргнул глазом.

– Ах ты, шайтан! – ругался Шахма, ощупывая опустевшую пазуху и делая гримасы. – Ну, шайтан!.. Левая нога, правая нога, и нет ничего, а старый Шахма дурак.

– Дома еще осталось, – успокаивал его Стабровский, подавая на чай подручному, подававшему карты, десятирублевую ассигнацию.

Большой послесвадебный стол представлял собой оригинальную по пестроте картину. В главной зале, где сидели молодые, были размещены ближайшие родственники и самые почетные гости. В последнее число попали исправник Полуянов, Евграф Огибенин, Май-Стабровский, Шахма и даже Драке. Старик Луковников, как самый почетный гость, сидел рядом с Михеем Зотычем, казавшимся каким-то грязным пятном среди окружавшей его роскоши, – он ни за что не согласился переменить свою изгребную синюю рубаху и дорожную сермяжку. Из дам выделялись своим нарядом красавица жена Полуянова, а потом Евлампия Харитоновна, явившаяся в довольно смелом декольте, что немало смущало благочестивых древних старушек.

– Ох, стыдобушка головушке глядеть-то на полуштофову жену!.. У, срамница!.. Вся заголилась, точно в баню собралась идти...

В других комнатах были рассажены остальные гости, причем самые неважные были переведены вниз.

Свадебное веселье пошло своим чередом, увеличиваясь с каждой минутой, как катившийся с горы ком снега. Впрочем, все шло благополучно вплоть до того момента, когда начали поздравлять молодых шампанским. Гости сбились в одной комнате. Сашка Горохов стоял с своим бокалом за спиной Огибенина и довольно терпеливо ждал своей очереди чокнуться с молодыми, но потом ему надоело ждать, он взглянул направо и увидел декольтированные женские плечи Евлампии Харитоновны. Она сидела к нему спиной, и он видел только разрез платья сзади, открывавший белую налитую спину, уходившую желобом под корсет. У Сашки моментально мелькнула счастливая мысль, и он весь свой бокал вылил за спину «полуштофовой жене». Поднялся визг, гвалт, хохот. Взбешенный Штофф кинулся с кулаками на обидчика, все повскачило с своих мест, – одним словом, весь стол рушился. Но этим скандал еще не кончился. Благодаря происходившей суматохе наверх незаметно пробрались два новых гостя: сын Лиодор и зять Булыгин, оба пьяные, с каким-то определенным намерением.

– Тут жида да немцы радуются, а родному сыну да зятю и места нет! – гаркнул Лиодор. – Пашка, валяй жидов, а я немцев молотить начну!

Толпа расступилась, и новые гости предстали во всей красе. Лиодор был, по обыкновению, в черкеске и папахе. Женщины завизжали, а «полуштофова жена» забралась под стол, где ее потом едва нашли. Выручил всех Сашка Горохов, стоявший к Лиодору ближе других. Он бросился на смутьянов, схватил их в охапку и торжественно вынес из залы, не обращая внимания, как его молотили четыре кулака, четыре ноги, а Лиодор в бешенстве даже вцепился зубами в плечо. На лестнице догнал Полуянов и собственноручно спустил гостей вниз, так что затрещали деревянные ступени.

Одним словом, большой стол закончился крупным скандалом. Когда все немного успокоились и все пришло в порядок, хватились Михея Зотыча, но его и след простыл.

IX

Колобовская свадьба отозвалась в Суслоне далеким эхом. Особенно волновались в писарском доме, куда вести собирались со всех сторон.

– Хорошую роденьку бог послал, – ворчал писарь Флегонт Васильич. – Оборотни какие-то... Счастье нам с тобой, Анна Харитоновна, на родню. Зятя-то на подбор, один лучше другого, да и родитель Харитон Артемьич хорош. Брезгует суслонским зятем.

– Погордилась сестрица Серафима Харитоновна, – соображала писарская жена Анна Харитоновна, – очень погордилась.

– И мамынька тоже хороша: про родную дочь забыла. Сказывают, на свадьбе-то какие-то жиды да татары радовались.

– Не будет добра, Флегонт Васильич. Все говорят, что неправильная свадьба. Куда торопились-то? Точно на пожар погнали. Так-то выдают невест с заминочкой... А все этот старичонко виноват. От него все...

– Уж этот мне старичонко! – рычал писарь, вспоминая нанесенный бродягой конфуз. – Колдун какой-то!

В писарском доме теперь собирались гости почти каждый день. То поп Макар с попадьей, то мельник Ермилыч. Было о чем поговорить. Поп Макар как раз был во время свадьбы в Заполье и привез самые свежие вести.

– Сбежал от большого стола старичок-то, женихов отец, – рассказывал он. – Бой у них вышел промежду гостей, ну, оглянулись, а свекра-то и нет. Словно в воду канул...

– Ох, неспроста это, отец Макар!.. Не таковский он человек.

– Бродяга какой-то, вот и бегаёт.

Раз, когда так вечером гости разговаривали разговоры, писарская стряпка Матрена вошла в горницу, вызвала Анну Харитоновну и заявила:

– Тут он, сродственник-то.

– Какой сродственник?

– Ну, а этот... старичонко с палочкой... Еще который сына женил в Заполье на твоей сестре.

– Да где он?

– А в кухне сидит у меня... Я пельмени делаю, оглянулась, а он сидит на лавочке. Точно из земли вырос, как гриб-дождевик.

Можно себе представить общее удивление. Писарь настолько потерялся, что некоторое время не мог выговорить ни одного слова. Да и все другие точно онемели. Вот так гостя бог послал!.. Не успели все опомниться, а мудреный гость уже в дверях.

– Флегонту Васильичу, родственнику, наше почтение и всей честной компании.

– Здравствуйте, Михей Зотыч, – здоровался хозяин. – Будет вам шутки-то шутить над нами... И то осрамили тогда на всю округу. Садитесь, гостем будете.

– От свадьбы убежал... да... А у меня дельце до тебя, Флегонт Васильич, и не маленькое дельце.

– Утро вечера мудренее, Михей Зотыч... Завтра о деле-то поговорим. Да, пожалуй, я тебе вперед сам загадку загадаю.

Отведя гостя в сторону, писарь сказал на ухо:

– Меленку хотите у нас оборудовать? Я-то уж потом догадался и вперед с мужичками насчет земли словечка два закинул.

– Вот умница! – похвалил гость. – Это и мне так впору догадаться... Ай да молодец писарь, хоть на свадьбу и не звали!.. Не тужи, потом позовут, да сам не пойдешь: низко будет.

Появление старика Колобова в Суслоне было целым событием. Теперь уж все поняли, зачем птица прилетела. Всех больше волновался мельник Ермилыч, под рукой распускавший нехорошие слухи про старика Колобова. Он боялся сильного конкурента. Но Колобов сам пришел к нему на мельницу в гости, осмотрел все и сказал:

– А ты не беспокойся, мельник, тесно не будет... Я ведь крупчатку буду ставить. Ты мели да помалывай серячок, а мы белую мучку будем делать, даст бог.

Потом старик побывал у попа Макара и тоже осмотрел все поповское хозяйство. Осмотрел и похвалил:

– Ничего, светленько живете, отец Макар... Дай бог так-то всякому. Ничего, светленько... Вот и я вырос на ржаном хлебе, все зубы съел на нем, а под старость захотел пшенички. Много ли нужно мне, старику?

– Что же, нам не жаль... – уклончиво отвечал отец Макар, отнесшийся к гостю довольно подозрительно. – Чем бог послал, тем и рады. У бога всего много.

– Бог-то бог, да и сам не будь плох. Хорошо у вас, отец Макар... Приволье кругом. Вы-то уж привыкли и не замечаете, а мне в диковинку... Одним словом, пшеничники.

– Мельницу хочешь строить? – спрашивал поп Макар, слегка прищуривая один глаз.

– Не знаю, что выйдет, а охота есть.

От новых знакомых получалось одно впечатление; все жили по-богатому – и писарь, и мельник, и поп, – не в пример прочим народам. И мужики тоже не бедовали. Рожь сеяли только на продажу, а сами ели пшеничку. И хороша была эта ключевская пшеничка, хоть насквозь смотри. Смолотая на раструске пшеничная мука была хоть и серая, но такая душистая и вкусная. Суслонские бабы отлично пекли свой пшеничный хлеб, а ржаного и в заводе не было. Так уж велось исстари, как было поставлено еще при дедах. От всего веяло тугим хорошим достатком. И народ был все рослый и крепкий – недаром этих «пшеничников» узнавали везде.

Раз ночью писарский дом был поднят весь на ноги. Около часу к воротам подкатила почтовая тройка.

– Здесь живет писарь Замараев? – спрашивал в темноте сильный мужской голос.

Писарь растворил окно и довольно грубо ответил:

– Он самый.

– Запольские молодые приехали. Можно остановиться?

– Ах, милости просим!.. Это вы, Галактион Михеич?

– Да, да.

Большой сибирский тарантас тяжело вкатился на двор, а писарь выскочил на крыльцо со свечой в руках.

– Вот не ожидали-то, дорогие гости!

– Просим любить и жаловать, Флегонт Васильич.

Зятья оглядели друг друга и расцеловались. Молодая не выходила из экипажа, сладко потягиваясь. Она ужасно хотела спать. Когда вышла хозяйка, она с ленивой улыбкой, наконец, вылезла из тарантаса. Сестры тоже расцеловались.

– Давно мы с тобой не видались, Сима, – повторяла Анна Харитоновна, продолжая рассматривать сестру. – Какая-то ты совсем другая стала.

– Уж какая есть, Анюта. Мамаша тебе наказала кланяться и не велела сердиться.

– Хорошо, хорошо. Еще поговорим... А муж у тебя молодец, Сима. Красивый.

– Разве?

Серафима Харитоновна тихо засмеялась и еще раз поцеловала сестру. Когда вошли в комнату и Серафима рассмотрела суслонскую писаршу, то невольно подумала: «Какая деревенщина стала наша Анна! Неужели и я такая буду!» Анна действительно сильно опустила, обрюзгла и одевалась чуть не по-деревенски. Рядом с ней Серафима казалась барыней. Ловко сшитое дорожное платье сидело на ней, как перчатка.

– Вы нас извините, – говорил Галактион, – не во-время побеспокоили... Ночь, да и остановиться негде.

– Ну, что за счеты между родственниками! – политично отвечал писарь. – Тятенька-то ваш здесь, в Суслоне... Только у нас не хочет жить. Карахтерный старичок.

– Папаша, вероятно, опять пешком пришли? – осведомилась Серафима. – Они все по-своему... на особицу.

Галактион очень понравился и писарю и жене. Настоящий молодец, хоть куда поверни. На отца-то и не походит совсем. И обращение самое политичное.

– Ну, этот из молодых, да ранний, – задумчиво говорил писарь, укладываясь на кровать с женой. – Далеко пойдет.

– А Симка-то так ему в глаза и заглядывает, как собачка.

– Что же, насиделась она в девках. Тоже любопытно... Известная ваша женская слабость. Какого еще принца нужно?

– Здесь, говорит, жить будут.

– Отлично. Нам веселее... Только вот старичонко-то того... Я его просто боюсь. Того гляди, какую-нибудь штуку отколет. Блаженный не блаженный, а около этого. Такие-то вот странники больше по папертям стоят с ручкой.

Молодой Колобов понравился всем в Суслоне: и учен, и прост, и ловок. Зато молодая не пришлась по вкусу, начиная с сестры Анны. Очень уж модная и на все фыркает.

– Неужто мы здесь будем жить? – капризно спрашивала она мужа.

– А то где же?

– Да здесь с тоски пропадешь.

– Некогда будет тосковать.

Серафима даже всплакнула с горя. С сестрой она успела поссориться на другой же день и обозвала ее неотесаной деревенщиной, а потом сама же обиделась и расплакалась.

– Вы на нее не обращайтесь внимания, Анна Харитоновна, – спокойно заметил Галактион и строго посмотрел на жену.

Этого было достаточно, чтобы Серафима сейчас же притихла и даже попросила у Анны прощения.

Вот с отцом у Галактиона вышел с первого раза крупный разговор. Старик стоял за место для будущей мельницы на Шеинской курье, где его взяли тогда суслонские мужики, а Галактион хотел непременно ставить мельницу в так называемом Прорыве, выше Шеинской курьи версты на три, где Ключевая точно была сдавлена каменными утесами.

– Нельзя на курье строиться, – авторитетно говорил Галактион. – По весне вода широко будет разливаться, затопит пашни, и не оберешься хлопот с подтопами.

– А у Ермилыча поставлена мельница на Жулановском плесе? – спросил Михей Зотыч.

– Во-первых, родитель, у Ермилыча мельница-раструска и воды требует вдвое меньше, а потом Ермилыч вечно судится с чураковскими мужиками из-за подтопов. Нам это не рука. Здешний народ бедовый, не вдруг уломаешь. В Прорыве вода идет трубой, только косою плотной ее поджать.

– На берегу места мало.

– Ничего, родитель: в тесноте, да не в обиде.

– Тебя разве переспоришь?

– А ежели я дело говорю?

Теперь роли переменились. Женившись, Галактион сделался совершенно другим человеком. Свою покорность отцу он теперь выкупал вызывающею самостоятельностью, и старик покорился, хотя и не вдруг. Это была серьезная борьба. Михей Зотыч сердился больше всего на то, что Галактион начал относиться к нему свысока, как к младенцу, – выслушает из вежливости, а потом все сделает по-своему.

– Ты у меня смотри! – пригрозился раз старик. – Я не посмотрю, что ты женатый... да!

Галактион только улыбнулся. Ушло время учить да свою волю родительскую показывать. Женился из-под палки, – чего же еще нужно?

Х

Дело с постройкой мельницы закипело благодаря все той же энергии Галактиона. Старик чуть не испортил всего, когда пришлось заключать договор с суслонскими мужиками по аренде Прорыва. «Накатился упрямый стих», как говорил писарь. Мужики стояли на своем, Михей Зотыч на своем, а спор шел из-за каких-то несчастных двадцати пяти рублей.

– Эх, родитель, родитель! – корил Галактион. – Двадцать пять рублей дороги, а время нипочем... Мы еще с осени выложим фундамент, а за зиму выстроимся. Время-то дороже денег. Дай я переговорю с мужиками-то.

– А ты, шучий сын, умнее отца хочешь быть?

– Постой, родитель... Знаешь, как большую рыбу из воды вытаскивают: дадут ей поводок, она и ходит, а притомилась – ее на берег.

С мужиками Галактион говорил, как свой брат, и живо повернул все дело. Обе стороны остались довольны. Контракт был подписан, и Галактион принялся за работу. План мельницы был составлен им еще раньше. Теперь нужно было торопиться с постройками. Стояла осень, и рабочих на месте нельзя было достать ни за какие деньги, пока не кончится уборка хлеба. И это предвидел Галактион и раньше нанял артель вятских плотников в сорок человек да другую артель каменщиков. Деревенские мужики по-настоящему не умели и топора в руки взять. Будет с них и того, если привезут бревна да камень наломают.

У Прорыва в несколько дней вырос настоящий лагерь. Больше сотни рабочих принялись за дело опытною рукою. С плотничьей артелью вышел брат Емельян и сделался правою рукою Галактиона. Братья всегда жили дружно.

Галактион задался целью непременно выстроить жилой дом к заморозкам, чтобы переселиться с женой на место работы. Жизнь у писаря его тяготила, да и ездить было тяжело. На счастье ему попался в Баклановой пустовавший поповский дом, который он и купил на снос. Оставалось только перевезти его да заложить фундамент. Галактиону везде везло, – такой уж удачливый зародился. Даже поп Макара одобрял за «благопоспешность». Больше всего Галактион был доволен, что отец уехал на заводы заканчивать там свои дела и не мешался в дело. Старик был умный, да только очень уж упрям.

Постройка новой мельницы отозвалась в Суслоне заметным оживлением, особенно по праздникам, когда гуляли здесь обе вятские артели. Чувствовалось, что делалось какое-то большое дело, и все ждали чего-то особенного. Были и свои скептики, которые сомневались, выдержит ли старый Колобов, – очень уж большой капитал требовался сразу. В качестве опытного человека и родственника писарь Замараев с большими предосторожностями завел об этом речь с Галактионом.

– Нет, у отца больших денег нет, – откровенно объяснил тот.

– Так-с... да. А как же, например, с закупкой хлеба, Галактион Михеич? Ведь большие тысячи нужны будут.

– Добудем. Ту же мельницу в банк заложим.

– Это как же так: в банк?

Галактион объяснил, и писарь только развел руками. Да, хитрая штучка, и без денег и с деньгами. Видно, не старые времена, когда деньги в землю закапывали да по подпольям прятали. Вообще умственно. Писарь начинал смотреть теперь на Галактиона с особенным уважением, как на человека, который из ничего сделает, что захочет. Ловкий мужик, нечего оказать.

– А мы-то тут живем дураки дураками, – со вздохом говорил писарь. – У нас все по старинке... На гроши считаем.

– Ничего, выучитесь.

Утром Галактион вставал в четыре часа, уезжал на работу и возвращался домой только вечером, когда стемнеет. Эта энергия приводила всех в невольное смущение. В Суслоне не привыкли к такой работе.

– А что будет, если я буду чаи распивать да выеду на работу в восемь часов? – объяснял Галактион. – Я раньше всех должен быть на месте и уйти последним. Рабочие-то по хозяину бывают.

– Уж это что говорить... Правильно. Какая это работа, ежели с чаями прокляжаться?

Писарь давно обленился, отстал от всякой работы и теперь казнил, поглядывая на молодого зятя, как тот поворачивал всякое дело. Заразившись его энергией, писарь начал заводить строгие порядки у себя в доме, а потом в волости. Эта домашняя революция закончилась ссорой с женой, а в волости взбунтовался сторож Вахрушка.

– Что я тебе каторжный дался? – заявил сторож. – Нет, брат, будет мудрить! Шабаш!

– Што-о?! Да как ты смеешь, кислая шерсть?

– А вот и смею... Не те времена. Подавайте жалованье, и конец тому делу. Будет мне терпеть.

Писарь выгнал Вахрушку с позором, а когда вернулся домой, узнал, что и стряпка Матрена отошла. Вот тебе и новые порядки! Писарь уехал на мельницу к Ермилычу и с горя кутил там целых три дня.

Сестры в течение двух месяцев совместной жизни успели перессориться и помириться несколько раз, стараясь не доводить своих размолвок до Галактиона. Обе побаивались его, хотя он никогда не сказал ни одного грубого слова.

– Высидела ты себе мужа, Сима, – корила Анна сестру. – Пожалуй, и не по чину тебе достался. Вон какой орел!

– А тебе завидно? Не чета твоему писарю.

– Смотри, матушка, не прохвались. Боек уж очень.

Счастье влюбленной в мужа Серафимы кололо глаза засидевшейся в деревне Анне. Вместе росли, а судьба разная. Анна начинала теперь придирается к мужу и на каждом шагу ставила ему в пример Галактиона.

– Ты посмотри на себя-то, – поговаривала Анна, – тебе водку пить с Ермилычем да с попом Макаром, а настоящего-то ничего и нет. Ну, каков ты есть человек, ежели тебя разобрать? Вон глаза-то заплыли как от пьянства... Небойсь Галактион компании не ломает, а всегда в своем виде.

– Отстань, смола! Галактион, Галактион, – дался вам этот Галактион! Еще посмотрим: летать летает, да где сядет.

– У вас с Ермилычем не спросит.

– Молчать! Ты вот лучше училась бы у сестры Серафимы, как следует уважать мужа... да! И по домашности тоже все запустила... Вон стряпка Матрена ушла.

– Все из-за тебя же, изверг. Ты прогнал Вахрушку, а он сманил Матрену. У них уж давно промежду себя узоры разные идут. Все ты же виноват.

Писарь Замаараев про себя отлично сознавал недостижимые совершенства нового родственника, но удивлялся ему про себя, не желая покориться жене. Ну что же, хорош – и пусть будет хорош, а мы и в шубе навыворот проживем.

Слухи о новой мельнице в Прорыве разошлись по всей Ключевой и подняли на ноги всех старых мельников, работавших на своих раструсочных мельницах. Положим, новая мельница будет молоть крупчатку, а все-таки страшно. Это была еще первая крупчатка на Ключевой, и все инстинктивно чего-то боялись.

– О девяти поставках будет мельница-то, – жаловался Ермилыч. – Ежели она, например, ахнет в сутки пятьсот мешков? Съест она нас всех и с потрохами. Где хлеба набраться на такую прорву?

– Были бы деньги, а хлеба навезут.

Чтобы отвести душу, Ермилыч и писарь сходились у попа Макара и тут судачили вволю, благо никто не мог подслушать. Писарь отстаивал новую мельницу, как хорошее дело, а отец Макар задумчиво качал головой и повторял:

– Увидим, увидим, братие... Все увидим.

– Нечего и смотреть: дело ясное, – сказал писарь.

– Первое, не есть удобно то, что Колобовы староверы... да. А второе, жили мы без них, благодаря бога и не мудрствуя лукаво. У всех был свой кусок хлеба, а впредь неведомо, что и как.

– И ведать нечего, отец, – уныло повторял Ермилыч. – Раздавят нас, как лягушек. Разговор короткий. Одним словом – силища.

– А вы того не соображаете, что крупчатка хлеб даст народам? – спросил писарь. – Теперь на одной постройке сколько народу орудует, а дальше – больше. У которых мужичков хлеб-то по три года лежит, мышь его ест и прочее, а тут на, получай наличные денежки. Мужичок-то и оборотится с деньгами и опять хлеба подвезет.

– Деньги – весьма сомнительный и даже опасный предмет, – мягко не уступал поп Макар. – Во-первых, деньги тоже к рукам идут, а во-вторых, в них сокрыт великий соблазн. На что мужику деньги, когда у него все свое есть: и домишко, и земляца, и скотинка, и всякое хозяйственное обзаведение? Только и надо деньги, что на подати.

– А ежели у нас темнота? Будут деньги, будет и торговля. Надо же и купцу чем-нибудь жить. Вот и тебе, отец Макар, за требы прибавка выйдет, и мне, писарю. У хлеба не без крох.

– Вот главное, чтобы хлеб-то был, во-первых, а во-вторых, будущее неизвестно. С деньгами-то надобно тоже умеючи, а зря ничего не поделаешь. Нет, я сомневаюсь, поколику дело не выяснится.

А Галактион точно не хотел ничего замечать и продолжал свою работу. Если бы все те, которые теперь судили и пересуживали его крупчатку, могли видеть, что он думал! Начать с того, что мельницу он считал делом так себе, пока, а настоящее было не здесь. Сколько хлопот с мельницей, а дело все-таки мертвое. Пришит к своему месту, как пуговица, и никуда не сдвинешься. Его тянуло дальше, на широкий простор. Наблюдая работы, он часто вспоминал свой разговор с немцем Штоффом и крепко задумывался. Умен и оборотист немец, вообще – ловкач. Выжидает, выжидает, да к настоящему делу и приспособится. Немало огорчало Галактиона и то, что не с кем ему было в Суслоне даже поговорить по душе. Всем им и мельница-крупчатка в диковину.

«Эх, если бы не отец! – с какою-то злобой иногда думал Галактион. – А то сиди в Суслоне».

К жене Галактион относился попрежнему с сдержанною ласковостью. Он даже начинал ее любить за ее безответность и за страстную любовь. Правда, иногда ему делалось совестно, что он по-настоящему не может ответить на ее робкие ласки, но в нем накапливалось и крепло хорошее чувство к ней. Молодость брала свое, а потом сознание, что сделанного не переделаешь. Не раз глядя на нее, он вспоминал красавицу Харитину, – у той все бы вышло не так. Странно, что безответная Серафима каким-то чутьем слышала эти его тайные мысли, стихала и точно делалась меньше. Такая несчастная вся, и ему вдруг станет ее жаль. Чем же она виновата, что так судьба вышла? А вот с Харитиной он мог бы и поговорить по душе, и посоветоваться, и все пополам разделить. Разве она стала бы скучать, как Серафима? Небойсь нашла бы дело и всех бы постановила.

Впрочем, Галактион упорно отгонял от себя все эти мысли. Так, глупость молодая, и больше ничего. Стерпится – слюбится. Иногда Серафима пробовала с ним заговаривать о серьезных делах, и он видел только одно, что она ровно ничего не понимает. Старается подладиться к нему и не умеет.

– Ты уж лучше молчи, Сима, – ласково шутил он.

– Может, привыкну и буду понимать, Глаша. Все девицы сначала ничего не понимают, а потом замужем и выучатся.

Ему не нравилось, что она зовет его Глашей, – какое-то бабье имя.

Но все эти сомнения и недосказанные мысли разрешились сами собой, когда Серафима, краснея и заикаясь, призналась, что она беременна. Муж посмотрел на нее непонимающими глазами, а потом так хорошо и любовно обнял и горячо поцеловал... еще в первый раз поцеловал.

– Милая... Милая!..

– Ты меня любишь, да? Немножечко? – шептала она, стора от нахлынувшего на нее счастья.

Потом она расплакалась, как плачут дети, а он взял ее на руки и носил по комнате, как ребенка.

– Милая... Милая!..

XI

Пропавший на время из Суслона Михей Зотыч был совсем близко, о чем никто не подозревал. Он успел устроить кое-какие дела у себя на заводе и вернулся на Ключевую, по обыкновению, в своем бродяжническом костюме. Он переходил из деревни в деревню, из села в село, все высматривал, обо всем разузнавал и везде сохранял самое строгое incognito. Это уже была такая крепостная привычка делать все исподтишка, украдом. Никто не знал, что старик Колобов был в Суслоне и виделся со старым благоприятелем Вахрушкой, которого и сманил к себе на службу.

– За битого семь небитых дают, – шутил он, по обыкновению. – Тебя в солдатчине били, а меня на заводской работе. И вышло – два сапога пара. Поступай ко мне на службу: будешь доволен.

– А какое твое жалованье, Михей Зотыч?

– Вот и вышел дурачок, а еще солдат: жалованье по жалованью. Что заслужишь, то и получишь.

– А ежели ты меня оманешь?

– А ты старайся.

Вахрушка почесал в затылке от таких выгодных условий, но, сообразив, согласился. Богатый человек Михей Зотыч, и не стать ему обижать старого солдата.

– Поглянулся ты мне, вот главная причина, – шутил Михей Зотыч. – А есть одна у тебя провинка.

– Ну, говори, какая?

– А такая, дурачок. Били тебя на службе, били, а ты все-таки не знаешь, в какой день пятница бывает.

– Ну, пошел огород городить... Так не оманешь?

– Сказано: будешь доволен. Главное, скула мне у тебя нравится: на ржаной хлеб скула.

Сказано – сделано, и старики ударили по рукам. Согласно уговору Михей Зотыч должен был ожидать верного слугу в Баклановой, где уже вперед купил себе лошадь и телегу. Вахрушка скоро разделался с писарем и на другой день ехал уже в одной телеге с Михеем Зотычем.

– Ах, служба, служба: бит небитого везет! – смеялся мудреный хозяин, похлопывая Вахрушку по плечу. – Будем жить, как передняя нога с задней, как грива с хвостом.

– Страсть это я люблю, как ты зачнешь свои загадки загадывать, Михей Зотыч. Даже мутит... ей-богу... Ну, и скажи прямо, а то прямо ударь.

– А ты головой, дурашка, головой добивайся, умишком раскинь, обмозгуй... хе-хе!..

Эти хозяйские шуточки нагоняли на Вахрушку настоящую тоску, и он начинал угрюмо молчать. В корень изводил его хитрый старичонко, точно песку в башку насыпет.

– Ты вот что, хозяин, – заявил Вахрушка на другой день своей службы, – ты не мудри, а то...

– Ну, ну, испугай!

– Уйду!.. Вот тебе и весь сказ!

– Это ты загадку загадываешь, мил человек? Ах, дурашка, дурашка! Никуда ты не уйдешь, потому как я на тебя зарок положил великий, и при этом задаток четыре недели на месяц ты уж получил вперед сполна...

Цель старика Колобова была объехать тот хлебный район, который должен был поставлять пшеницу на будущую мельницу. Ему хотелось на месте познакомиться с будущими производителями и поставщиками сырья. Пусть мельницу строит Галактион – ему и книги в руки, а Михей Зотыч объезжал теперь свое будущее царство. Нужно было создать целый рынок и вперед сообразить все условия. Это было поважнее постройки мельницы, и он не мог доверять

такого ответственного труда даже Галактиону. Молод еще и ничего не понимает, да и яйца курицу не учат.

В лице Вахрушки хитрый старик приобрел очень хорошего сотрудника. Вахрушка был человек бывалый, посмотрелся всячины, да и свою округу знал как пять пальцев. Потом он был с бедной приуральской стороны и знал цену окружавшему хлебному богатству, как никто другой.

– Вахрушка, ты у меня в том роде, как главнокомандующий!

– Похоже, Михай Зотыч, ежели считать по заплаткам.

– Ну, вот, вот... Выговорил-таки хоть одно умное слово.

Приезжая куда-нибудь в село, Михай Зотыч сказывался работником, а Вахрушку навешивал хозяином. Эта комедия была только продолжением предыдущего шутовства, и Вахрушка скоро привык. «Что ж, хозяин так хозяин!» По пути они скупали у баб коноплю, лен и дешевые деревенские харчи, а эта купля служила только предлогом для подробных расспросов – что и как. Чем дальше они таким образом ехали, тем ярче выступала картина зауральского крестьянского богатства. Хорошо здесь жил народ, запасливо, и не боялся черного дня.

Всего больше приводил в восторг Михея Зотыча аршинный зауральский чернозем.

– Вот так земля! – восхищался старик. – Овчина овчиной!

– Уж я тебе говорил, што удобрять здесь землю и не слыхивали, – объяснил Вахрушка. – Сама земля родит.

А какие попадались деревни и села – одно загляденье. Хоть картину пиши. Справно жил народ, с тугим крестьянским достатком. Всего было вволю – и земли, и хлеба, и скотины. Правда, мужик-пшеничник сильно поленивался, но от достатка и вор не ворует. У большинства крестьян были запасы на год, на два вперед. Сбывали только столько, сколько было нужно на подати, а остальное все шло впрок. Так хозяйство ставилось еще отцами и дедами, отнимавшими благодатный край у неумытой орды. Башкирские волости раздвинулись как-то по краям и не имели никакого экономического значения в общем хозяйстве богатейшего края.

В Вахрушке, по мере того как они удалялись вглубь бассейна Ключевой, все сильнее сказывался похороненный солдатчиной коренной русский пахарь. Он то и дело соскакивал с телеги, тыкал кнутовищем в распаханную землю и начинал ругаться.

– Разе это работа, Михай Зотыч? На два вершка в глубину пашут... Тьфу! Помажут кое-как сверху – вот и вся работа. У нас в Чердынском уезде земелька-то по четыре рублика ренды за десятину ходит, – ну, ее и холят. Да и какая земля – глина да песок. А здесь одна божецкая благодать... Ох, бить их некому, пшеничников!

Путешественники несколько раз ночевали в поле, чтобы не тратиться на постой. Михай Зотыч был скуп, как кощей, и держал солдата впроголодь. Зачем напрасно деньги травить? Все равно – такого старого черта не откормишь. Сначала солдат роптал и даже ругался.

– Ах ты, дурашка, брюхо-то не зеркало, да и мы с тобой на ржаной муке замешаны. Есть корочка черного хлебца, и слава богу... Как тебя будет разжигать аппетит, ты богу молись, чревоугодник!

Солдат никак не мог примириться с этой теорией спасения души, но покорялся по солдатской привычке, – все равно нужно же кому-нибудь служить. Он очень скоро подпал под влияние своего нового хозяина, который расшевелил его крестьянские мысли. И как ловко старичонко умел наговаривать, так одно слово к другому и лепит, да так складно.

Хорошо было со стариком ночевать у огонька. Осенние ночи такие темные, огонек горит так весело.

– Земля – все, понимаешь? – говорил Михай Зотыч. – А остальное пустяки... И заводы, и фабрики, и машины.

– Это ты правильно.

– А почему земля все? Потому, что она дает хлеб насущный... Поднялся хлебец в цене на пятачок – красный товар у купцов встал, еще на пятачок – бакалея разная остановилась, а еще на пятачок – и все остальное село. Никому не нужно ни твоей фабрики, ни твоего завода, ни твоей машины... Все от хлебца-батюшки. Урожай – девки, как блохи, замуж поскакали, неурожай – посиживай у окошечка да поглядывай на голодных женихов. Так я говорю, дурашка?

– Тоже вот и насчет водки, Михей Зотыч... Солдату плепорция казенная, а отставному где взять в голодный-то год?

Иногда на Михея Зотыча находило какое-то детское умиление, и он готов был целовать благодатную землю, точно еврей после переселения в обетованную землю. Уж очень хорошо было кругом. Народ жил полною чашей, – любо посмотреть. Этакого-то угодного места по всей Расее не сыщешь с огнем. Народ еще не «испотачился» и жил по-божески. Все свое, домашнее, – вот и достаток, потому что как все от матушки-земли жили и не гнались на городскую руку моды заводить. Прикидывая в уме хлебный район по одной Ключевой, Михей Зотыч видел, что сырья здесь хватит на двадцать таких крупчаток, какую он строил в Прорыве.

– Всем хватит, Вахрушка, и еще от нас останется, да.

– Как не хватить, Михей Зотыч?

Другой вопрос, который интересовал старого мельника, был тот, где устроить рынок. Не покупать же хлеб в Заполье, где сейчас сосредоточивались все хлебные операции. Один провоз съест. Мелкие торжки, положим, кое-где были, но нужно было выбрать из них новин пункт. Вот в Баклановой по воскресеньям бывал подвоз хлеба, и в других деревнях.

– Эх, повернуть бы торжок в Суслон! – мечтал старик.

Он прикинул еще раньше центральное положение, какое занимал Суслон в бассейне Ключевой, – со всех сторон близко, и хлеб сам придет. Было бы кому покупать. Этак, пожалуй, и Заполью плохо придется. Мысль о повороте торжка сильно волновала Михея Зотыча, потому что в этом заключалась смерть запольским толстосумам: копеечка с пуда подешевле от провоза – и конец. Вот этого-то он и не сказал тогда старику Луковникову.

Это путешествие чуть не закончилось катастрофой. Старики уже возвращались домой. Дело происходило ночью, недалеко от мельницы Ермылыча. Лошадь шла шагом, нога за ногу. Старики дремали, прикорнув в телеге. Вдруг Вахрушка вздрогнул, как строевая лошадь, слышавшая трубу.

– Михей Зотыч, родимый, не ладно!

– А! Что? – бормотал спросонья хозяин.

– Слышишь?

Где-то вдали тонко прозвонили дорожные колокольчики и замерли, точно порвалась струна.

– Исправник навстречу гонит! – в ужасе прошептал Вахрушка, проникнутый смертным страхом ко всякому начальству.

– Ну, и пусть гонит. Мы ему не мешаем.

– Ах, ты какой, право!.. Лучше бы своротить с дороги. Неровен час... Ежели пьяный, так оно лучше не попадаться ему на глаза.

– Давай сюда вожжи, дурашка.

Вахрушка так и замер от страха. А колокольчики так и заливаются. Ближе, ближе, – вот уж совсем близко.

– Михей Зотыч, своротим от греха, – молил Вахрушка.

– Молчи, дурашка.

Ночь была темная, и съехались носом к носу.

– Эй, кто там дорогу загородил? – рявкнул голос из исправничьего экипажа.

– Черт с репой! – спокойно ответил Михей Зотыч.

– Сворачивай с дороги, каналья!

– Ты сворачивай, порожнем на тройке едешь, а я с возом на одной!

Кто-то соскочил с козел исправничьего экипажа и накиннулся с неистовым ревом на непокорную телегу. В воздухе свистнула нагайка.

– Бей каналью! – кричал сам Полуянов, сидя в экипаже.

– Илья Фирсыч, да ты никак с ума спятил! – крикнул Колобов, ловко защищаясь кнутиком от казачьей нагайки. – Креста на тебе нет... Аль не узнал?

– Да кто там? – сердился исправник.

– Сказано: черт с репой! Бит небитого везет.

– Тьфу! Дурак какой-то... Ну, подойди сюда.

– Ох, не подходи! – в ужасе шептал Вахрушка, ухватывая хозяина за рукав.

Но Колобов смело подошел к экипажу. Полуянов чиркнул спичку и с удивлением смотрел на бродягу.

– Не признаешь? Хе-хе. А еще на свадьбе вместе пировали в Заполье.

– Да это ты, Михей Зотыч? Тьфу, окаянный человек! – засмеялся грозный исправник. – Эк тебя носит нелегкая! Хочешь коньяку? Нет? Ну, я скоро в гости к тебе на мельницу приеду.

– Милости просим.

Когда исправничий экипаж покатиł дальше, Вахрушка снял шапку и перекрестился. Он еще долго потом оглядывался и встряхивал головой. С этого момента он проникся безграничным удивлением к смелости Михея Зотыча: уж если исправника Полуянова не испугался, так чего же ему бояться больше?

XII

Как Галактион сказал, так и вышло: жилой дом на Прорыве был кончен к первопутку, то есть кончен настолько, что можно было переехать в него молодым. Серафима торжествовала. Ей так надоело жить в чужих людях, у всех на виду, а тут был свой угол, свое гнездо. Она больше не робела перед мужем и с затаенною радостью чувствовала, что он начинает ее любить. Это высказывалось в тысяче тех обыденных мелочей, которые в отдельности даже назвать трудно. Муж теперь предупреждал ее малейшие желания и следил за каждым шагом. Но ей решительно ничего было не нужно. Боже мой, как она была счастлива, а новый дом на Прорыве казался ей раем.

– У нас теперь свое гнездо, – повторяла она, ласкаясь к мужу. – И никто, никто не смеет его тронуть. Да, Глаша?

– Кому же это нужно, Сима?

– Нет, я так, к примеру. Мне иногда делается страшно. Сама не знаю отчего, а только страшно, страшно, точно вот я падаю куда-то в пропасть. И плакать хочется, и точно обидно за что-то. Ведь ты сначала меня не любил. Ну, признайся.

– Перестань болтать глупости!

– Как же ты мог любить, когда совсем не знал меня? Да я тебе и не нравилась. Тебе больше нравилась Харитина. Не отпирайся, пожалуйста, я все видела, а только мне было тогда почти все равно. Очень уж надоело в девицах сидеть. Тоска какая-то, все не мило. Я даже злая сделалась, и мамаша плакала от меня. А теперь я всех люблю.

Это счастливое настроение заражало и Галактиона, и он находил жену такую хорошей и даже красивой. От девичьей угловатости не осталось и следа, а ее сменила чарующая женская мягкость. Галактиону доставляло удовольствие ухаживать за женой.

Серафиме нравилось и самое место, выбранное Галактионом под мельницу. Ключевая была здесь такая быстрая да глубокая, а напротив каменным гребнем поднималась большая гора. Из-за горы, вниз по Ключевой, виднелась Шеинская курья, а за ней белую свечой поднималась церковь в Суслоне. Место под мельницу было выбрано на левом берегу, на каменном мысу, вдававшемся в Ключевую. Правда, уже теперь чувствовалась некоторая теснота, но когда будут кончены постройки, делается совсем свободно. Серафима по-своему мечтала о будущем этого клочка земли: у них будет свой маленький садик, где она будет гулять с ребенком, потом она заведет полное хозяйство, чтобы дома все было свое, на мельничном пруду будет плавать пара лебедей и т. д. Эти лебеди снились Серафиме даже во сне, как символ семейного счастья. Да, она была счастлива и чувствовала, что все ее любят, даже старик Михей Зотыч. Она понимала, что он любит собственно не ее, а тех будущих внучат, которых она подарит ему.

– Так, невестушка, так, милая... – повторял старик, глядя на нее любящими глазами. – Внучка мне нужно.

– Будет внучек, папаша.

– То-то, смотри, Серафима Харитоновна, не осрамись, да и меня не подведи.

Такие откровенные разговоры заставляли Серафиму вспыхивать ярким румянцем, хотя она и сама была уверена, что родится именно мальчик. Даже молчаливый Емельян теперь как-то особенно подолгу заглядывался на невестку и начинал ухмыляться. Ему тоже нравилась ласковая и старавшаяся всем угодить сноха. Приехал и третий брат, Симон, совсем еще молодой человек, состоявший в семье на положении мальчика. Он был самый красивый и походил на мать, но отец как-то недолюбливал его за недостаток характера. Мальчик был такой ласковый, и Серафима полюбила его с первого раза, как родного брата.

– У нас вся семья сердитая, – потихоньку рассказывал мальчик. – И я всех боюсь.

Это была первая женщина, которую Симон видел совсем близко, и эта близость поднимала в нем всю кровь, так что ему делалось даже совестно, особенно когда Серафима целовала его по-родственному. Он потихоньку обожал ее и боялся выдать свое чувство. Эта тайная любовь тоже волновала Серафиму, и она напрасно старалась держаться с мальчиком строго, – у ней строгость как-то не выходила, а потом ей делалось жаль славного мальчугана.

– Симон, не смотри на меня так! – строго говорила она.

– Я... я ничего.

– Если Галактион увидит, он тебе задаст.

Вообще в новом доме всем жилось хорошо, хотя и было тесновато. Две комнаты занимали молодые, в одной жили Емельян и Симон, в четвертой – Михей Зотыч, а пятая носила громкое название конторы, и пока в ней поселился Вахрушка. Стряпка Матрена поступила к молодым, что послужило предметом серьезной ссоры между сестрами.

– Жили-жили, да в благодарность и стряпку сманили, – корила жена писаря.

– Никто и не думал сманивать, – оправдывалась Серафима. – Сама пришла и живет. Мы тут ни при чем. Скажешь, что и солдата тоже мы сманили?

– И солдата... Умны уж очень.

Между зятьями временно пробежала черная кошка, и недоразумения возникали из-за всяких пустяков. Впрочем, они скоро помирились благодаря политике Галактиона. По первопутку приехал в гости дорогой тестюшка Харитон Артемьевич вместе с любимой дочерью Харитиной, – вернее сказать, не приехал, а его привезла Харитина. Старик с самой свадьбы не переставал кутить и начал заговариваться. Анфуса Гавриловна решительно ничего не могла с ним поделаться и отправила на поправку к новому зятю, на которого надеялась теперь, как на каменную стену. Очень уж умный и почтительный зять и все устроит. Из писем Серафимы Анфуса Гавриловна знала их жизнь и заочно восторгалась новым зятем. Галактион воспользовался появлением гостей, чтоб устроить новоселье, как того требовали деревенские порядки. Был приглашен в первую голову писарь Замараев.

– Да ты с ума сошел, Галактион? – удивилась даже смелая на все Харитина.

– Нисколько. Он такой же зять, как и я. Родне не приходится считаться. Нечего нам делить.

– А тятенька?

– Ничего и тятенька. В гостях воля хозяйская.

Поведение Галактиона навсегда примирило Анну с добрым и умным новым зятем. Писарь тоже не мог не согласиться, что Галактион все по-умному делает.

Были приглашены также мельник Ермилыч и поп Макар. Последний долго не соглашался ехать к староверам, пока писарь не уговорил его. К самому новоселью подоспел и исправник Полуянов, который обладал каким-то чутьем попадать на такие праздники. Одним словом, собралась большая и веселая компания. Как-то все выходило весело, начиная с того, что Харитон Артемьевич никак не мог узнать зятя-писаря и все спрашивал:

– Да ты кто таков, человек, будешь?

– Не чужой человек, тятенька. Прежде зятем считали.

– Зятем? Тыфу!... Тоже и скажет человек. Разе у меня такие зятья? Ах ты, капустный зверь!

Молодая хозяйка была счастлива, как никогда, и сияла своим молодым счастьем. Она походя обнимала Харитину и целовала ее от избытка радости. Бойкая и взбалмошная Харитина против обыкновения держала себя как-то особенно солидно и казалась даже грустной. Ее только забавляли преследовавшие ее глаза Симона. Мальчик совсем увлекся, увлекся сразу и ничего больше не видел, кроме запольской красавицы с ее поджигающим смехом, вызывающе улыбкою и бойкою речью. Он так ел ее глазами, что даже заметил Галактион и сказал жене:

– Ты скажи Симону, что так нельзя... Мне самому неловко сказать. Совсем дурак мальчишка.

– Что же тут мудреного? Харитину как увидят, так и влюбятся. Уж такая уродилась... Она у меня сколько женихов отбила. И ты тоже женился бы на ней, если бы не отец.

– Перестань болтать глупости! Как тебе не стыдно?

– Я ведь не ревную, а так, к слову сказала.

Веселье продолжалось целых три дня, так что Полуянов тоже перестал узнавать гостей и всех спрашивал, по какому делу вызваны. Он почувствовался только тогда, когда его свозили в Суслон и выпарили в бане. Михей Зотыч, по обыкновению, незаметно исчез из дому и скрывался неизвестно где.

Больше всего доставлял хлопот дорогой тестюшка, с которым никто не мог управиться, кроме Галактиона. Старших дочерей он совсем не признавал, да и любимицу Харитину тоже. Раз ночью с ним сделалось совсем дурно. Стереги́вший гостя Вахрушка только махал руками.

– Я боюсь, – заявила Серафима разбуженному мужу. – Иди ты... Ах, господи, вот согрешенье-то!.. Мамаша тоже послала гостя.

Галактион накинул халат и отправился в контору, где временно помещен был Харитон Артемьич. Он сидел на кровати с посиневшим лицом и страшно выкаченными глазами. Около него была одна Харитина. Она тоже только что успела соскочить с постели и была в одной юбке. Плечи были прикрыты шалью, из-под которой выбивалась шелковая волна чудных волос. Она была бледна и в упор посмотрела на Галактиона.

– Пошли скорее Вахрушку за нашатырным спиртом, – тихо и повелительно приказала она. – Да чтобы живо. Потом принеси снегу и воды.

Девушка знала, как нужно отваживаться с пьяницей-отцом, и распоряжалась, как у себя дома. Старик сидел попрежнему на кровати и тяжело хрипел. Временами из его груди вырывалось неопределенное мычание, которое понимала только одна Харитина.

– Ммм... моч... рю... ку... ррюмочку.

– Подожди, будет и рюмочка, – сурово говорила Харитина, щупая голову ошалевшего родителя. – Вот до чего себя довел.

– Мм... не ббуду... не ббуду...

Лицо его искривилось, глаза страшно выкатились, и он повалился на постель. В этот момент вбежал Галактион со снегом и водой. Холодные компрессы сделали свое дело, а поданная рюмка водки на время успокоила пьяницу. Он теперь лежал на постели с закрытыми глазами, опухший, налитый пьяным жиром, а над ним наклонилась Харитина, такая цветущая, молодая, строгая. Днем у нее глаза были серые, а ночью темнели, как у кошки; золотистые волосы обрамляли бледное лицо точно сиянием. Галактион стоял в изголовье кровати и невольно любовался ею, любовался не так, как прежде, а как мужчина, полный сил, который видит красивую женщину. Все эти дни он почти совсем не обращал на нее внимания и даже не замечал, хотя они и были по-родственному на «ты» и даже целовались, тоже по-родственному. В комнате горела одна сальная свечка, и при ее красноватом свете Харитина походила на русалку. Она не смотрела на Галактиона, но чувствовала на себе его пристальный взгляд и машинально поправила под шалью спустившийся рукав рубашки. Потом она смело посмотрела прямо в лицо Галактиону, посмотрела почти с ненавистью, плотно сжав губы. Потом он видел, как она медленно и спокойно подошла к нему, обняла его своими голыми руками и безмолвно прильнула к его лицу горевшими губами.

– Харитина, опомнись!.. Харитина, что ты делаешь? – шептал он, напрасно стараясь освободиться из ее объятий. – Харитина!..

Белые руки распались сами собой, и она засмеялась нехорошим смехом.

– Не любишь? забыл? – шептала она, отступая. – Другую полюбил? А эта другая рохла и плакса. Разве тебе такую было нужно жену? Ах, Галактион Михеич! А вот я так не забыла, как ты на своей свадьбе смотрел на меня... ничего не забыла. Сокол посмотрел, и нет девушки... и не стыдно мне нисколько.

Она опять обняла его и целовала, вернее – душила своими поцелуями, лицо, шею, даже руки целовала. Галактион чувствовал только, как у него вся комната завертелась перед глазами, а эти золотые волосы щекотали ему лицо и шею.

– Милый, милый! – шептала она в исступлении, закрывая глаза. – Только один раз. Разве та, другая, умеет любить? А я-то тосковала по нем, я-то убивалась!

– Харитина!..

– Нет здесь никакой Харитины. Харитина там, где ее любят.

Эта дикая сцена была прекращена появлением Вахрушки, который успел вернуться из Суслона со спиртом.

– Ты меня будешь помнить, – повторила несколько раз Харитина, давая отцу нюхать спирт. – Я не шутки с тобой шутила. О, как я тебя люблю, несчастный!

Когда Галактион проснулся на другой день, все случившееся ночью ему показалось тяжелым кошмаром. Он даже посомневался, было ли все это на самом деле. Харитина вышла к чаю, как всегда. На ней была та же шаль, что и ночью, и это кольнуло Галактиона. Она ему хотела показать, что ставит его ни во что. Припоминая подробности вчерашней сцены, Галактион отчетливо знал только одно, именно, что он растерялся, как мальчишка, и все время держал себя дураком. Нужно было сделать решительный шаг в ту или другую сторону, а теперь оставалось делать такой вид, что он все принял за глупую выходку и не придает ничему серьезного значения.

– Мы с папашей сегодня едем домой, – заявила Харитина усталым голосом.

– Видно, чем ушибся, тем и лечись. Кстати, нас проводит Илья Фирсыч. Ему тоже пора домой.

Полуянов даже стал на колени и принялся целовать руки капризной красавицы.

– О, богиня, я могу только повиноваться, как слабый смертный!

Симон, бывший свидетелем этой глупой сцены, бледнел и краснел, до крови кусая губы. Бедный мальчуган страстно ревновал запольскую красавицу даже, кажется, к ее шали, а когда на прощанье Харитина по-родственному поцеловала его, он не вытерпел и убежал.

– Что ты делаешь с мальчиком? – упрекнула ее Серафима, находившаяся в лениво-спокойном настроении беременной женщины.

– Я? Ничего, – резко ответила Харитина. – Кто меня полюбит, тот несчастный человек навек.

Галактион все время молчал и старался не смотреть на нее. Она поцеловалась с ним, опустив глаза.

– Желаю тебе быть паинькой, – пошутила над ним Харитина, усаживаясь в экипаж. – Пряничка дадут.

В этот момент Галактион ненавидел ее и был счастлив, что ночью был дураком.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Прошло пять лет.

Все Заполье переживало тревожное время. Кажется, в самом воздухе висела мысль, что жить по-старинному, как жили отцы и деды, нельзя. Доказательств этому было достаточно, и самых убедительных, потому что все они били запольских купцов прямо по карману. Достаточно было уже одного того, что благодаря новой мельнице старика Колобова в Суслоне открылся новый хлебный рынок, обещающий в недалеком будущем сделаться серьезным конкурентом Заполью. Это была первая повестка.

– Нет, брат, шабаш, – повторяли запольские купцы. – По-старому, брат, не проживешь. Сегодня у тебя пшеницу отнимут, завтра куделю и льняное семя, а там и до степного сала доберутся. Что же у нас-то останется? Да, конечно. Надо все по-полированному делать, чтобы как в других прочих местах.

Запас сведений об этих других прочих местах оказался самым ограниченным, вернее сказать – запольские купцы ничего не знали, кроме своего родного Заполья. Молодые купцы были бы и рады устраиваться по-новому, да не умели, а старики артачились и не хотели ничего знать. Вообще разговоров и пересудов было достаточно, а какая-то невидимая беда надвигалась все ближе и ближе.

В собственном смысле событий за эти пять лет не случилось. Было три пожара, потом открыли новую городскую думу, причем старик Луковников был избран первым городским головой, потом Малыгины выдали младшую дочь Харитину раньше старшей и т. д. Харитина вышла замуж чуть не убегом, против воли родителей, и теперь была исправницей Полуяновой. Жена у Полуянова умерла через год после свадьбы Серафимы, а через год он с пьяных глаз женился на красавице Харитине, вернее сказать – она сама высватала его. Свадьба была сыграна еще скорее, чем у Серафимы, потому что жених вдовец. Анфуса Гавриловна на коленях умоляла дочь не делать этого, но Харитина твердила одно:

– Мамаша, я хочу быть благородной. Очень мне интересно выходить замуж за какого-нибудь сиволапого купца! Насмотрелась я на своих сестриц, как они в темноте живут.

– Поглядим мы на твое пьяное да старое благородство!

– Исправницей буду, мамаша. Чаем губернатора буду угощать, а он у меня руку будет целовать. В благородных домах везде такой порядок. В карете буду ездить.

– Дура ты, Харитинка, и больше ничего.

– Не виновата, что такая родилась, мамаша.

В сущности Харитина вышла очертя голову за Полуянова только потому, что желала хотя этим путем досадить Галактиону. На, полюбуйся, как мне ничего не жаль! Из-за тебя гибну. Но Галактион, кажется, не почувствовал этой мести и даже не приехал на свадьбу, а послал вместо себя жену с братом Симоном. Харитина удовольствовалась тем, что заставила мужа выписать карету, и разъезжала в ней по магазинам целые дни. Пусть все смотрят и завидуют, как молодая исправница катается.

Если запольские купцы не знали, что им нужно, то отлично это знали люди посторонние, которые все набивались в город. Кто они такие, откуда, чего домогаются – никто не знал. У Штоффа уже давно жил безымянный немец Драке, потом приехал и поселился Май-Стабровский. Он занял лучшую квартиру в городе, завел выездных лошадей, целый штат прислуги и зажил на широкую ногу. В Заполье и во сне не видали такой роскоши, и молодая исправница сгорала от зависти. Впрочем, она была принята у Стабровских, и сам старик ухаживал за ней с

чисто польским джентльменством. Потом поселился подозрительный еврей Ечкин. Впрочем, он сам мало жил в Заполье, а все где-то разъезжал. Около этих новых людей жалась целая кучка безыменных и прожорливых панов, немцев и евреев. Они все чего-то искали, куда-то ездили по каким-то никому не известным делам и вообще ужасно торопились. Не было, кажется, такого угла, которого они не обнюхали бы и не обыскали. Одним словом, что-то готовилось, и запольские купцы вперед чувствовали, как их забирает страх.

– А все это проклятый Полуштоф, – ругались они за спиной. – Все от него пошло. Дай лисе хвост просунуть, она и вся залезет. А у немцев так уж заведено: у одного крючок, у другого петля – друг за дружкой и волокутся.

Доставалось на орехи и «полуштофову тестю», то есть Харитону Артемьичу. Он первый призрел голого немца, да еще дочь за него замуж выдал. Вот теперь все и расхлебывай. Да и другой зять, Галактион, тоже хорош: всем мельникам запер ход, да еще рынок увел к себе в Суслон.

Сами по себе новые люди были все очень милые, вежливые и веселые. Везде сами бывали, всех принимали у себя и умели товар лицом показать. На другой же год в Заполье открылся клуб, учреждение невиданное. Старики не пошли, а молодежь была рада. В Заполье до сих пор не было ни одного веселого приюта. По зимам проворные немцы начали устраивать в клубе семейные вечера с танцами, благотворительные «лотереи-аллегри», а главное, напропалую дулись в карты. Это выходило гораздо удобнее, чем у себя дома. И хлопот никаких, и удовольствие получай, какое хочешь. Май-Стабровский и Ечкин повели настоящую большую игру, особенно когда приехал Шахма, этот степной крез, о котором составлялись настоящие легенды. Играл в большую Еграшка Огибенин, исправник Полуянов и даже аккуратный немец Штофф. Одним словом, зажили по-настоящему, как в других прочих местах, особенно когда появились два адвоката, Мышников и Черевинский, забившие сразу местных доморощенных ходатаев и дельцов. Впрочем, Мышников был свой запольский. Он происходил из разорившейся купеческой семьи и кончил курс в университете.

Этот прилив новых людей закончился нотариусом Меридиановым, тоже своим человеком, – он был сын запольского соборного протопопа, – и двумя следователями. Говорили уже о земстве, которое не сегодня-завтра должно было открыться. Все эти новые люди устраивались по-своему и не хотели знать старых порядков, когда всем управлял один исправник Полуянов да два ветхозаветных заседателя.

Больше всех суетился и хлопотал немец Штофф, как человек, достаточно освоившийся с положением местных дел. Он брал какие-то подряды, хлопотал об открытии местной женской прогимназии и реального училища, открыл какое-то таинственное «депо земледельческих усовершенствованных машин», и так далее, без конца. Время от времени он тоже исчезал из города и шнырял по уезду, выискивая какие-то новые дела. Впрочем, его деятельность скоро обнаружилась, когда Май-Стабровский купил в уезде упраздненный винокуренный казенный завод и назначил его своим главным управляющим. Были и свои винокуры, но это был народ все мелкий, работавший с грехом пополам для местного потребления, а Стабровский затеял громадное, миллионное дело и повел его сильной рукой. Все устраивалось по последнему слову винокуренной науки. От Заполья до нового завода было верст сто, и туда отхлынула вся польская челядь, окружавшая Стабровского. Запольские купцы только смотрели и ожигались. Их «старинка» оставалась позади, а вперед лезли новые люди, удивлявшие своею пробойностью и прожорливостью. По старинке считали на тысячи и много-много на десятки тысяч, а тут сразу счет пошел на сотни тысяч.

– Что же это будет? – удивлялись недавние запольские богачи. – Что же нам-то останется? Все немцы забирают.

Винокуренный завод Стабровского находился всего в двадцати верстах от Суслона, и это сразу придало совершенно другое значение новому хлебному рынку. Для этого завода еже-

годно имелось в виду скупать до миллиона пудов ржи, а это что-нибудь значило. Старик Колобов только ахнул, когда услышал про новую затею.

– Съест нас всех Стабровский, – говорил он, качая головой. – Мы тут мышей ловим, а он прямо на медведя пошел.

Новая крупчатая мельница действительно являлась ничтожеством по сравнению с грандиозным заводом. Было тут о чем подумать. Хлопотавший по постройке завода Штофф раза два завертывал в Прорыв и ночевал.

– Ты это что же затеваешь-то? – ворчал Михей Зотыч. – Мы тут вот мучку мелем, а ты хлеб собираешься изводить на проклятое зелье.

– Ничего, ничего, старичок. Всем хлеба хватит... Мы ведь себе только рожь берем, а вам всю пшеницу оставляем. Друг другу не будем мешать, старичок.

– Да я не о том, немецкая душа: дело-то ваше неправильное... да. Божий дар будете переводить да черта тешить. Мы-то с молитвой, а вам наплевать... тьфу!..

– Да ведь народу же деньги-то пойдут, старичок? Ах, какой ты!.. Теперь хлеб напрасно пропадает, а тогда на, получай наличными. Все будут довольны... Так-то!

– Богу вы все ответите за свои выдумки! – грозил Михей Зотыч. – Да и какой у вас бог? Ни бога, ни черта... Про совесть-то слышал, Карл Карлыч?

– У нас сколько угодно совести, старичок.

– Так вы ее, совесть-то свою, в процент отдавайте... А я тебе скажу пряменько, немец: не о чем нам с тобой разговоры разговаривать... так, попусту, языком болтать...

Штофф только улыбнулся. Он никогда не оскорблялся и славился своим хладнокровием. Его еще никто не мог вывести из себя, хотя случаев для этого было достаточно. Михей Зотыч от всей души возненавидел этого увертливого немца и считал его главной причиной всех грядущих зол.

– Послушай, старичок, поговорим откровенно, – приставал Штофф. – Ты живой человек, и я живой человек; ты хочешь кусочек хлеба с маслом, и я тоже хочу... Так? И все другие хотят, да не знают, как его взять.

– Ну, заговаривай зубы, заговаривай, змей!

– А я понимаю одно: я имею свою пользу и должен дать пользу другим... Так?

– Уж ты дашь, что говорить... Даже вот как дашь... Не обрадуешься твоей-то пользе.

– Все зависит от того, как смотреть на вещи.

Хитрый немец проник даже к попу Макару. Едва ли он сам знал, зачем есть поп Макар, но и он тоже ест свой кусочек хлеба с маслом и может пригодиться. Поп Макар был очень недоверчивый человек и отнесся к немцу почти враждебно.

– Во-первых, я живу здесь уже двадцать лет и никого не касаюсь, – объяснил он откровенно, – и во-вторых, я ничего не понимаю.

– Да ведь мне, батюшка, ничего от вас и не нужно, – объяснил Штофф, не сморгнув глазом. – Престо, счел долгом познакомиться с вами, так как будем жить в соседях.

– Оно, конечно, милостивый государь... Коль скоро человек отменяет от себя всяческую суету, потопику он принадлежит самому себе, во-первых, а во-вторых...

– Послушайте, батюшка, вы ведете громадное хозяйство, у вас накопается одной ржи до пяти тысяч пудов, я говорю примерно. Вам приходится хлопотать с ее продажей, а тут я приеду, и мы покончим без всяких хлопот. Это я говорю к примеру.

– Позвольте, во-первых, какая ваша будет цена, милостивый государь?

– На одну восьмую копейки с пуда больше, чем на рынке... Это... это составит за пять тысяч пудов ровно шесть рублей двадцать пять копеек. Кажется, я выражаюсь ясно? Ведь деньги не валяются на дороге?

Штофф попал в самое больное место скуповатого деревенского батюшки. Он жил бездетным, вдвоем с женой, и всю любовь сосредоточил на скромном стяжании, – его интересо-

вали не столько сами по себе деньги, а главным образом процесс их приобретения, как своего рода спорт.

II

Старшему сыну Серафимы было уже четыре года, его звали Сережей. За ним следовали еще две девочки-погодки, то есть родившиеся через год одна после другой. Старшую звали Милочкой, младшую Катей. Как Серафима ни любила мужа, но трехлетняя, почти без перерыва, беременность возмутила и ее.

– Я хочу и сама пожить, – заявила она с наивностью намучившегося человека. – Будет с нас детей.

– И я то же думаю, – соглашался Галактион.

Тот красивый подъем всех сил, который Серафима переживала сейчас после замужества, давно миновал, сменившись нормальным существованием. Первые радости материнства тоже прошли, и Серафима иногда испытывала приступы беспричинной скуки. Пять лет выжили в деревне. Довольно. Особенно сильно повлияла на Серафиму поездка в Заполье на свадьбу Харитины. В городе все жили и веселились, а в деревне только со скуки пропадай.

– Переедем в город, – все чаще и чаще повторяла Серафима мужу, – а то совсем деревенские мужики будем.

Эти слова каждый раз волновали Галактиона. Деревня тоже давно надоела ему, да и делать здесь было нечего, – и без него отец с Емельяном управятся. Собственно удерживало Галактиона последнее предприятие: он хотел открыть дорогу зауральской крупчатке туда, на Волгу, чтоб обеспечить сбыт надолго. Нужно было только предупредить других, чтобы снять сливки.

Дела по мельнице установились окончательно и шли прекрасно. В первую зиму свежую крупчатку возили в Ирбит, на ярмарку, на тройках. Ее брали нарасхват. Происходила конкуренция с дорогой казанской крупчаткой. За эти четыре года мельница не только окупилась, но и дала большой доход. Теперь пшеница заготавливалась вперед за год и покупалась на наличные деньги. Вообще дела шли отлично. Мысль открыть сбыт своей крупчатке в «Расею» очень понравилась Михею Зотычу, и он с большим удовольствием отпустил Галактиона съездить в Казань, Рыбинск, Саратов и Нижний, чтобы на месте познакомиться с делами. Галактион проездил все лето и вернулся уже по окончании Нижегородской ярмарки. Эта поездка имела для него решающее значение.

– Ну что, как там у них? – спрашивал Михей Зотыч.

– Ах, папаша, даже рассказывать стыдно, то есть за себя стыдно. Там настоящие дела делают, а мы только мух здесь ловим. Там уж вальцовые мельницы строят... Мы на гроши считаем, а там счет идет на миллионы.

– С большим-то счетом и запутаться можно, Галактион.

– В лес ходить – не бояться волков, а делать дело, так по-настоящему.

– Ну, с меня будет и этого, а когда я помру, как знаете.

Бойкая жизнь Поволжья просто ошеломила Галактиона. Вот это, называется, живут вовсю. Какими капиталами ворочают, какие дела делают!.. А здесь и развернуться нельзя: все гужом идет. Не ускачешь далеко. А там и чугунок и пароходы. Все во-время, на срок. Главное, не ест перевозка, – нет месячных распутиц, весенних и осенних, нет летнего ненастья и зимних выюг, – везде скатертью дорога.

– А какие там люди, Сима, – рассказывал жене Галактион, – смелые да умные! Пальца в рот не клади... И все дело ведется в кредит. Капитал – это вздор. Только бы умный да надежный человек был, а денег сколько хочешь. Все дело в обороте. У нас здесь и капитал-то у кого есть, так и с ним некуда деться. Переваливай его с боку на бок, как дохлую лошадь. Все от оборота.

Серафима слушала мужа только из вежливости. В делах она попрежнему ничего не понимала. Да и муж как-то не умел с нею разговаривать. Вот, другое дело, приедет Карл Карлыч,

тот все умеет понятно рассказать. Он вот и жене все наряды покупает и даже в шляпах знает больше толку, чем любая настоящая дама. Сестра Евлампия никакой заботы не знает с мужем, даром, что немец, и щеголяет напропалую.

Заезжая на мельницу в Прорыв, хитрый немец никогда не забывал захватить и ребятишкам игрушек и невестке какой-нибудь пустяковый подарочек. Себя в убыток не введет и другим удовольствие доставит.

В последнюю зиму, когда строился у Стабровского завод, немец начал бывать у Колобовых совсем часто. Дело было зимой, и нужно было закупать хлеб на будущий год, а главный рынок устраивался в Суслоне.

– Это нам Михей Зотыч дорожку проторил, – похваливал немец хмурившегося старика, – мы на готовое-то, как на чужую кашу со своей ложкой приходим.

– Только не подавитесь, – ворчал Михей Зотыч. – Ложка-то у вас больно велика. Пожалуй, и каши не хватит.

– Всем, дедушка, хватит, которые ежи с умом.

Главный подвоз хлеба происходил в ноябре, когда устанавливался крепкий санный путь. Штофф прожил целую неделю в Суслоне у писаря, изучая складывавшийся новый хлебный рынок. Галактион тоже приезжал делать закупки, и они вместе провели всю неделю. Приходилось вставать ранним утром, задолго до свету, часа в четыре. Широкая суслонская улица с обеих сторон была уставлена бесконечными возами. Скупщики ходили от воза к возу с фонарями, и рынок получал какой-то фантастический характер. Народное богатство лежало тут, на виду, прикрытое домашней работы пологам. Галактиона уже знали, и он ставил цену. Остальные только прикупали, как Ермилыч и небольшие мельники.

– По-деревенски живем, Карл Карлыч, – иронически говорил Галактион про самого себя. – Из-за хлеба на квас.

– Ну, а вы-то пожаловаться не можете.

– Да и радоваться нечему. Из маленького дела не выскочишь. Мне, собственно, и делать на мельнице больше нечего.

– А вы приезжайте к нам в Заполье. Может быть, и дельце найдем. Люди нужны, а их нет.

Немец чего-то не договаривал, а Галактион не желал выпытывать. Нужно, так и сам скажет. Впрочем, раз ночью они разговорились случайно совсем по душам. Обоим что-то не спалось. Ночевали они в писарском доме, и разговор происходил в темноте. Собственно, говорил больше немец, а Галактион только слушал.

– Видите ли, в чем дело, Галактион Михеич... Будемте рассуждать математически, так сказать. В природе ничто не должно пропадать, ни один атом. Так, да? Каждый человек представляет собой известную силу, а сила – только тогда сила, когда она находит свое приложение. Да? С одной стороны, вот мы с вами, как сила, ищущая своего приложения, а с другой – благодатный край, переполненный сырьем. Наше приложение в том, чтобы дать оборот этим богатствам. Не правда ли? Ум – самая страшная из всех сил. Вы вот умный человек и понимаете совершенно верно, что с мельницей у вас лет через пять будет все кончено. Значит, нужно пристроиться к другому делу.

– Я и сам это думаю, Карл Карлыч. Давненько думаю.

Немец сделал паузу. Где-то тяжело тикали старинные часы.

– У вас есть деньги? – спросил Штофф уже совершенно другим тоном, продолжая какую-то свою мысль.

– То есть как деньги?

– Ну, тысяч тридцать – сорок.

– Карл Карлыч, ведь вы знаете, что у меня своих и сорока копеек нет.

– Но у вас есть обычай выделять сыновей. Наконец, вы получили кое-что за женой.

– Женины деньги меня не касаются, а что касается выдела, едва ли отец согласится. Вы знаете, какой у него характер.

– А вы имейте свой характер. Требуйте свою часть.

– Он меня просто выгонит вон.

Немец подумал, что-то прикинул в уме и проговорил убежденно:

– И то для вас будет выгоднее, чем сидеть здесь и ждать у моря погоды. Поверьте мне. А я вас устрою.

– Вы теперь так говорите, а когда отец прогонит, вы можете заговорить другое.

– Поверьте, что нет, Галактион Михеич. Это мой прямой интерес, и я вам скажу сейчас, в чем дело. Да. Вот у вас мельница, и вы в зависимости от урожая, от рынка, от конкуренции, да? Я теперь управляющий Стабровского и завишу от него. Дело громадное и будет зависеть от тысячи случайностей, начиная с самой жестокой конкуренции, какая существует только в нашем водочном деле. Не правда ли? Возьмите всякое другое коммерческое дело – везде риск, везде опасность, везде сомнения. А есть такое дело, которое ничего не боится, скажу больше: ему все на пользу – и урожай и неурожай, и разорение и богатство, и даже конкуренция. Это моя заветная мечта.

Галактион сел на кровати и проговорил:

– Банк? Вы хотите, чтобы в числе учредителей стояло мое русское имя?

– Да. Прибавьте к этому, что русских имен мы найдем сколько угодно, а нам нужны работники, хорошие, энергичные работники. Признаюсь, я вас изучал в течение пяти лет и знаю вас больше, чем вы сами себя знаете. Извините за нескромное любопытство... У вас есть размах, есть кровь, а это главное. Придется много работать и ставить все на карту. Потом у вас есть умение иметь дело с людьми. Пример: скажу я – и мне не поверят, скажете вы то же самое – и вам поверят. Это величайший секрет науки, называемой психология. Мне скажут: «У! немец хитрит!» Я это в глазах читаю, и мне делается обидно, хотя я и хладнокровный человек. А вам поверят, все поверят, – о, как поверят!.. Да, у вас сейчас нет денег, но умрет отец, – будемте говорить откровенно, – у вас сто тысяч верных. Значит, вы сейчас стоите эти сто тысяч и можете иметь кредит.

– Банк будет в Заполье?

– Да... Коммерческий Зауральский банк. Главные учредители: Стабровский, Ечкин, Шахма, Драке и я. Видите, все иностранцы, то есть не русские фамилии, а это неудобно. Нам необходимо привлечь Луковникова, Огибенина и еще человека три-четыре. У нас устав уже написан, и Ечкин выхлопочет его утверждение. О, этот человек может сделать решительно все на свете!.. Знаете, говоря между нами, я считаю его гениальным человеком. Да. Представьте себе, у него решительно ничего нет, а он всегда имеет такой вид, точно у него в бумажнике чек на пятьсот тысяч. Стабровский умен и тоже гениальный человек, но до Ечкина ему далеко, как до звезды небесной... И Стабровский это сам знает.

– Что же я буду делать в Заполье, пока ваш банк не откроется?

– Э, дела найдем!.. Во-первых, мы можем предоставить вам некоторые подряды, а потом... Вы знаете, что дом Харитона Артемьича на жену, – ну, она передаст его вам: вот ценз. Вы на соответствующую сумму выдадите Анфусе Гавриловне векселей и дом... Кроме того, у вас уже сейчас в коммерческом мире есть свое имя, как дельного человека, а это большой ход. Вас знают и в Заполье и в трех уездах... О, известность – тоже капитал!

Галактион так и не мог заснуть всю ночь. У него горела голова, и мысли в голове толклись, как в жаркий летний день толкнутся комары над болотом. Хитрый немец умело и ловко затронул его самое больное место, именно то, о чем он мечтал только про себя. Правда, предстояло сделать решительный шаг; но все равно его нужно было когда-нибудь сделать. От этого зависело все. Одно только нагоняло на Галактиона сомнение: он не доверял хитрому немцу.

Продаст и надует при случае за какой-нибудь «кусочек хлеба с маслом». От таких людей нужно ожидать всего.

Галактиону делалось обидно, что ему не с кем даже посоветоваться. Жена ничего не понимает, отец будет против, Емельян согласится со всем, Симон молод, – делай, как знаешь.

Перед отъездом из Суслона Штофф имел более подробный разговор с Галактионом и откровенно высказался:

– Я знаю, что вы не доверяете мне... Это отлично. Никому не нужно верить, даже самому себе, потому что каждый человек может ошибаться. Да. А можно верить только одному – делу. Вы только подумайте: вот сейчас мы все хлопочем, бьемся, бегаем за производителем и потребителем, угождаем какому-нибудь хозяину, вообще зависим направо и налево, а тогда другие будут от нас зависеть. У нас всегда будет урожай на нашей ниве... Расчет самый простой: по вкладам мы будем платить семь процентов, а по ссудам будем получать до двадцати. Капитал будет... Вы только сообразите, сколько пропадает теперь мертвого капитала у попов, писарей, купцов, а из этих мелочей составит страшная сила, как из мелких речонок наливается море.

III

Решительный разговор с отцом Галактион думал повести не раньше, как предварительно съездив в Заполье и устроив там все. Но вышло совершенно наоборот.

После отъезда Штоффа Галактион целых три недели ходил точно в тумане. И сон плохой и аппетита нет. Даже Серафима заметила, что с мужем творится что-то неладное.

– Тебе нездоровится, Глаша?

– Мне? Нет, ничего.

Такой ответ совершенно удовлетворял простоватую Серафиму, и это возмущало Галактиона. Другая жена допыталась бы, в чем дело, и не успокоилась бы, пока не вызнала бы всего. Теперь во время бессонницы Галактион по ночам уходил на мельницу и бродил там из одного этажа в другой, как тень. Мельница работала зимой полным ходом. Рабочих было очень немного. Они, засыпанные мучным бусом, походили на каких-то мертвецов, бродивших бесшумно из одного отделения в другое. Обыкновенно по ночам обходил мельницу Емельян, как холостой человек, или сам Михей Зотыч. Рабочие удивлялись, встречая теперь Галактиона. Раз ночью у жернова Галактион встретил отца. Старик как-то по-заячьи прислушивался к грузному движению верхнего камня, припадавшего одним краем.

– А, это ты! – удивился старик. – Вот и отлично. Жернов у нас что-то того, припадает краем.

– Нужно поставить запасный.

– Остановка выйдет.

– Ничего не поделаешь.

Они вместе прошли по всем отделениям. Везде все было в порядке.

– Если бы еще пять поставов прибавить, так работы хватило бы, – задумчиво говорил Галактион, когда они очутились в мельничной конторке, занесенной бусом, точно инеем.

– Воды не хватит.

– Можно паровую машину поставить, родитель.

– Ни за что! Спалить хочешь все обзаведение?

Мельница давно уже не справлялась с работой, и Галактион несколько раз поднимал вопрос о паровой машине, но старик и слышать ничего не хотел, ссылаясь на страх пожара. Конечно, это была только одна отговорка, что Галактион понимал отлично.

– Вот ты про машину толкуешь, а лучше поставить другую мельницу, – заговорил Михей Зотыч, не глядя на сына, точно говорил так, между прочим.

Галактион отлично понял его. Значит, отец хочет запрячь его в новую работу и посадить опять в деревню года на три. На готовом деле он рассчитывал управиться с Емельяном и Симоном. Это было слишком очевидно.

– Нет, я не согласен, – спокойно ответил Галактион.

– Как не согласен? Что не согласен? Да как ты смеешь разговаривать так с отцом, щенок?

– Вторую мельницу строить не буду, – твердо ответил Галактион. – Будет с вас и одной. Да и дело не стоящее. Вон запольские купцы три мельницы-крупчатки строят, потом Шахма затевает, – будете не зерно молоть, а друг друга есть. Верно говорю... Лет пять еще поработаешь, а потом хоть замок весь на свою крупчатку. Вот сам увидишь.

– Да ты понимаешь, что говоришь-то?

– Да очень понимаю... Делать мне нечего здесь, вот и весь разговор. Осталось только что в Расею крупчатку отправлять... И это я устроил.

– Ну, а потом?

– А потом вы сами по себе, а я сам по себе.

– Как же это так будет, напримерно?

- Да уж так, как случится. Дадите мне что в отдел – спасибо, не дадите – тоже спасибо.
- Так, так, миленький... Своим умом хочешь жить.

Старик пожевал губами, посмотрел на сына прищуренными глазами и совершенно спокойно проговорил:

– Ничего ты от меня, миленький, не получишь... Ни одного грошика, как есть. Вот, что на себе имеешь, то и твое.

- Покорно благодарю, родитель.

Больше отец и сын не проговорили ни одного слова. Для обоих было все ясно, как день. Галактион, впрочем, этого ожидал и вперед приготовился ко всему. Он настолько владел собой, что просмотрел с отцом все книги, отсчитался по разным статьям и дал несколько советов относительно мельницы.

– Завтра, то есть сегодня, я уеду, – прибавил он в заключение. – Если что вам понадобится, так напишите. Жена пока у вас поживет... ну, с неделю.

- А кто же ее кормить будет?

– Я пришлю денег из Суслона на прокорм, а за квартиру потом рассчитаюсь.

– За пять лет, миленький. Не забудь... По три целковых в месяц – сто восемьдесят рубликов.

- И это заплачу. Сейчас у меня ничего нет, а вышлю, как пришлю подводу за семьей.

Когда Галактион вышел, Михай Зотыч вздохнул и улыбнулся. Вот это так сын... Правильно пословица говорится: один сын – не сын, два сына – полсына, а три сына – сын. Так оно и выходит, как по-писаному. Да, хорош Галактион. Другого такого-то и не сыщешь.

«А денег я тебе все-таки не дам, – думал старик. – Сам наживай – не маленький!.. Помру, вам же все достанется. Ох, миленькие, с собой ничего не возьму!»

Вернувшись домой, Галактион почувствовал себя чужим в стенах, которые сам строил. О себе и о жене он не беспокоился, а вот что будет с детишками? У него даже сердце защемило при мысли о детях. Он больше других любил первую дочь Милочку, а старший сын был баловнем матери и бабушки. Младшая Катя росла как-то сама по себе, и никто не обращал на нее внимания.

- Ну, Серафима, собирайся в дорогу, – коротко объяснил Галактион жене.

– Через неделю я за тобой пришлю. Переезжаем в Заполье.

– Совсем?

– Совсем.

Серафима даже заплакала от радости и бросилась к мужу на шею. Ее заветною мечтой было переехать в Заполье, и эта мечта осуществилась. Она даже не спросила, почему они переезжают, как все здесь останется, – только бы уехать из деревни. Городская жизнь рисовалась ей в самых радужных красках.

Только на прощанье с отцом Галактион не выдержал. Он достал бумажник и все, что в нем было, передал отцу, а затем всю мелочь из кошелька. Михай Зотыч не поморщился и все взял, даже пересчитал все до копеечки.

- Денежка счет любит, – бормотал старик.

У жены Галактион тоже не взял ни копейки, а заехал в Суслон к писарю и у него занял десять рублей. С этими деньгами он отправился начинать новую жизнь. На отца Галактион не сердился, потому что этого нужно было ожидать.

Анфуса Гавриловна обрадовалась и испугалась, когда увидела зятя. Она совсем не ждала гостя.

- Надолго ли, Галактион? – спрашивала расхлопотавшаяся старушка.

– А совсем, мамаша.

– Как совсем?

Галактион любил тещу, как родную мать, и рассказал ей все. Анфуса Гавриловна расплакалась, а потом обрадовалась, что зять будет жить вместе с ними. Главное – внучата будут тут же.

– Поживите пока с нами, а там видно будет, – говорила она, успокоившись после первых излияний. – Слава богу, свет не клином сошелся. Не пропадешь и без отцовских капиталов. Ох, через золото много напрасных слез лется! Тоже видывали достаточно всячины!

Харитона Артемьевича не было дома, – он уехал куда-то по делам в степь. Агния уже третий день гостила у Харитины. К вечеру она вернулась, и Галактион удивился, как она постарела за каких-нибудь два года. После выхода замуж Харитины у нее не осталось никакой надежды, – в Заполье редко старшие сестры выходили замуж после младших. Такой уж установился обычай. Агния, кажется, примирилась с своею участью христовой невесты и мало обращала на себя внимания. Не для кого было рядиться.

– Ну, а что зелье-то наше? – сурово спросила ее Анфуса Гавриловна, – она все больше и больше не любила Харитину.

– Ничего... Два новых платья заказала да соболий воротник велела переделать.

– Наказал меня господь дочкой, – жаловалась Анфуса Гавриловна зятю. – Полуштофова жена модница, а эта всех превзошла. Ох, плохо дело, Галактион!.. Не кончит она добром.

Вечером, когда уже подали самовар, неожиданно приехала Харитина. Она вошла, не раздеваясь, прямо в столовую, чтобы показать матери новый воротник. Галактион давно уже не видал ее и теперь был поражен. Харитина сделалась еще красивее, а в лице ее появилось такое уверенное, почти нахальное выражение.

– А, деревенская родня приехала! – здоровалась Харитина с гостем, по своему обыкновению глядя прямо ему в лицо. – Надолго ли?

– Не знаю, как поживется.

– Оставайся на святки. Будем веселиться напропалую.

– Это у тебя веселье только на уме, – оговорила мать. – У других на уме дело, а у тебя пустяки.

– Что же, мамаша, не всем умным быть.

– Да ты сядь, не таранти. Ох, не люблю я вот таких-то верченых! Точно сорока на колу.

– Что же, я и разденусь. Хотела только показать вам, мамаша, новый воротник. Триста рублей всего стоит.

Харитину задело за живое то равнодушие, с каким отнесся к ней Галактион. Она уже привыкла, чтобы все ухаживали за ней. Снимая шубку, она попросила его помочь.

– Не умеешь помочь раздеться, увалень! – пошутила она. – Привык с деревенскими бабами обращаться!

На Галактиона так и пахнуло душистою волной, когда он подошел к Харитине. Она была в шерстяном синем платье, красиво облегавшем ее точеную фигуру. Она нарочно подняла руки, делая вид, что поправляет волосы, и все время не спускала с Галактиона своих дерзких улыбающихся глаз.

– Что, хороша? – сказала она и засмеялась.

– Перестань ты, бесстыдница! – заворчала Анфуса Гавриловна. – Хоть и зять, а все-таки мужчина. Что руки-то задираешь, срамница?

– Я в корсете, мамаша.

Галактион опустил глаза, чувствуя, как начинает краснеть. Ему как-то вся кровь бросилась в голову. Агния смотрела на него добрыми глазами и печально улыбалась. Она достаточно насмотрелась на все штуки сестрицы Харитины.

– Ну, а что твоя деревенская баба? – спрашивала Харитина, подсаживаясь к Галактиону с чашкой чая. – Толстеет? Каждый год рождает ребят?.. Ха-ха! Делать вам там нечего, вот и

плодите ребяташек. Мамаша, какой милый этот следователь Куковин!.. Он так смешно ухаживает за мной.

– Да будет тебе! – сердито крикнула Анфуса Гавриловна. – Не пристало нам твои-то гадости слушать... Постыдилась бы хоть Галактиона.

– Что мне его стыдиться, мамаша? Дело прошлое: я была в него сама влюблена. Даже отравиться хотела. И он...

– Будет! Перестань, срамница!

Анфуса Гавриловна была рада, когда Харитина начала собираться. Ей нужно было еще заехать к портнихе, в два магазина, потом к сестре Евлампии, потом еще в два места. Когда Галактион надевал ей шубку, Харитина успела ему шепнуть:

– А помнишь, дурачок, как я тебя целовала? Я тебя все еще немножко люблю... Приезжай ко мне с визитом. Поговорим.

Никогда еще Галактион не был так несчастлив, как в эту первую ночь в Заполье. Ему было как-то особенно больно и обидно. Что будет? Как он будет жить? А тут еще Харитина! Эта встреча была последнею каплей в чаше испытаний. Разве она такая была? Да, она сейчас красивее, в полном расцвете молодости, а ему было больно на нее смотреть. Какое у нее сделалось нахальное лицо, как она смотрит, какие движения, какие слова! И не стыдно... Галактион с каким-то ужасом думал об этой погибшей душе, припоминая свое минутное увлечение. Да, она тогда была другая, – такая чистая, нетронутая, красивая именно этою своею чистотою. А теперь кто ее окружает? Какие разговоры она слышит? Что ее интересует? Если б она гнала, что у него сейчас на душе и как ему больно за нее! О ее выходке тогда на мельнице, у кровати больного отца, он как-то даже забыл и не придавал этому особенного значения. Так, молодая глупость. Кровь молодая расходилась. А теперь уже совсем другое...

Галактион лежал и думал о Харитине, думал и сердился, что думает именно о ней, а не о своих детях.

IV

Отправляясь в первый раз с визитом к своему другу Штоффу, Галактион испытывал тяжелое чувство. Ему еще не случалось фигурировать в роли просителя, и он испытывал большое смущение. А вдруг Штофф сделает вид, что не помнит своих разговоров на мельнице? Все может быть.

Штофф был дома и принял гостя с распростертыми объятиями. Он по-русски расцеловался с Галактионом из щеки в щеку.

– Слышал, слышал, голубчик, – повторил он. – Этим и должно было кончиться... Чем скорее, тем лучше.

– Откуда вы узнали, Карл Карлыч? – удивился Галактион.

– А сорока на хвосте принесла... Право, отлично. Одобряю.

Штофф занимал очень скромную квартиру. Теперь небольшой деревянный домик принадлежал уже ему, потому что был нужен для ценза по городским выборам. Откуда взял немец денег на покупку дома и вообще откуда добывал средства – было покрыто мраком неизвестности. Галактион сразу почувствовал себя легче в этих уютных маленьких комнатах, – у него гора свалилась с плеч.

– Будем устраиваться... да... – повторял Штофф, расхаживая по комнате и потирая руки. – Я уже кое-что подготовил на всякий случай. Ведь вы знаете Луковникова? О, это большая сила!.. Он знает вас. Да... Ничего, помаленьку устроимся. Знаете, нужно жить, как кошка: откуда ее ни бросьте, она всегда на все четыре ноги встанет.

Было часов одиннадцать, и Евлампия Харитоновна еще спала, чему Галактион был рад. Он не любил эту модницу больше всех сестер. Такая противная бабенка, и ее мог выносить только один Штофф.

– Одного у нас нет, – проговорил хозяин, заметив, как гость оглядывает обстановку. – Недостает деточек... А я так люблю детей. Да... Вот у вас целых трое.

– Заботы много с детьми.

– А для чего же тогда жить?

Взглянув на часы, Штофф прибавил совсем другим тоном:

– Скоро двенадцать. Поедьте в думу. Там сразу со всеми перезнакомитесь.

– Да я, кажется, и без того всех знаю.

– Нет, то другое... Мало ли кого можно встретить на свадьбе, – это в счет у нас нейдет.

У Штоффа была уже своя выездная лошадь, на которой они и отправились в думу. Галактион опять начал испытывать смущение. С чего он-то едет в думу? Там все свои соберутся, а он для всех чужой. Оставалось положиться на опытность Штоффа. Новая дума помещалась рядом с полицией. Это было новое двухэтажное здание, еще не оштукатуренное. У подъезда стояло несколько хозяйских экипажей.

– Здесь вы всех найдете, – объяснял Штофф, здороваясь с представительным швейцаром. – Тарас Семеныч здесь?

– Точно так-с, – вытянувшись по-солдатски, ответил швейцар.

Поднявшись по лестнице во второй этаж, они прошли куда-то направо, откуда доносился гул споривших голосов. Большая комната, затянутая табачным дымом, с длинным столом посередине, походила на железнодорожный буфет. На столе кипело два самовара, стояла чайная посуда, а кругом стола разместились представители местного самоуправления.

– Господа, я привел к вам дорогого гостя! – громко отрекомендовал Штофф своего спутника. – Прошу любить и жаловать!

Подхватив Галактиона под руку, Штофф повел его вокруг стола, рекомендуя всем:

– Тараса Семеныча вы знаете? А это два купца Ивановых... три купца Поповых... старший городской врач Кацман, а это его помощник, доктор медицины Кочетов... член управы Голяшкин.

– Ба, ба! – крикнул знакомый голос.

Это был Полуянов. Он обнял Галактиона и расцеловал.

– Слышал, батенька... как же! Вчера жена что-то такое рассказывала про тебя и еще жаловалась, что шубы не умеешь дамам подавать. Ничего, выучим... У нас, батенька, все попросту. Живем одною семьей.

Член управы Голяшкин, рослый и краснощекий детина, все время смотрел на Галактиона какими-то масляными глазами и сладко улыбался. Он ужасно походил на вербного херувима, хотя и простой работы. Выждав, когда все перездоровались, Голяшкин подошел к Галактиону, крепко пожал ему руку и каким-то сладким голосом проговорил:

– Очень, очень рады, Галактион Михеич. Мы здесь все попросту. Да... Одною семьей.

Херувим страдал манией повторять чужие слова, точно эхо. Прodelав свою партию, он подсел к столу и широко вздохнул. Рядом с ним сидел доктор Кочетов, красивый черноволосый мужчина лет тридцати. Молодое лицо доктора носило явные следы усиленного пьянства – кожа на лице была красная, потная, глаза опухли и слезились, нос просвечивал синими жилками. Галактион почему-то обратил особенное внимание на эту типичную пару. Впрочем, и вся остальная компания не напоминала праведников, за исключением Луковникова, резко выделявшегося своею степенностью и благообразною старостью.

– Ну, что родитель, каково прыгает? – спросил он Галактиона, улыбаясь одними глазами. – Завязали вы нам узелок с вашей мельницей... да.

– Так уж вышло, Тарас Семеныч, – оправдывался Галактион смущаясь. – Обижать никого не хотели.

– Что же, дело житейское, – проговорил старик и вздохнул. – К тестю в гости приехал, Галактион Михеич?

– Да... Может быть, вам говорил что-нибудь Карл Карлыч?

– Ах, да, да!.. Ндравный старик. Ничего, как-нибудь устроимся. Заходи ко мне, – потолкуем.

Солидный старик очень понравился Галактиону. Не то, что тятенька Михей Зотыч. Мысль об отце у Галактиона являлась теперь в какой-то обидной форме. Ему казалось, что Тарас Семеныч смотрит на него с сожалением.

Чай продолжался довольно долго, и Галактион заметил, что в его стакане все больше и больше прибавляется рому. Набравшаяся здесь публика произвела на него хорошее впечатление своей простотой и откровенностью. Рядом с Галактионом оказался какой-то ласковый седенький старичок, с утиным носом, прилизанными волосами на височках и жалобно моргавшими выцветшими глазками. Он все заглядывал ему в лицо и повторял:

– Очень мы рады... Да, рады.

– Господа, что мы тут напрасно время теряем? – провозгласил захмелевший Полуянов. – Едем!

Все разом поднялись, как по команде, и, не прощаясь друг с другом, повалили к двери. Галактион догнал Штоффа уже на лестнице и начал прощаться.

– Ну, это дудки! – заявил немец. – У нас так не играют!.. Едем!

– Куда?

– А вот увидите.

От думы они поехали на Соборную площадь, а потом на главную Московскую улицу. Летом здесь стояла непролазная грязь, как и на главных улицах, не говоря уже о предместьях, как Тербиловка, Дрекольная, Ерзовка и Сибирка. Миновали зеленый кафедральный собор, старый гостиный двор и остановились у какого-то двухэтажного каменного дома. Хозяином

оказался Голяшкин. Он каждого гостя встречал внизу, подхватывал под руку, поднимал наверх и передавал с рук на руки жене, испитой болезненной женщине с испуганным лицом.

– Милости просим, господа! – повторял хозяин. – У нас все попросту!.. Пожалуйте!

Галактиона удивило, что вся компания, пившая чай в думе, была уже здесь – и двое Ивановых, и трое Поповых, и Полуянов, и старичок с утиным носом, и доктор Кочетов. Галактион подумал, что здесь именины, но оказалось, что никаких именин нет. Просто так, приехали – и делу конец. В большой столовой во всю стену был поставлен громадный стол, а на нем десятки бутылок и десятки тарелок с закусками, – у хозяина был собственный ренсковый погреб и бакалейная торговля.

– Вот теперь мы добрались и до настоящего фундамента, – повторял Полуянов, расхаживая по комнате с видом человека, вернувшегося домой. – Галактион, выпьем.

– Да я не пью, Илья Фирсыч... Так разве, одну рюмочку.

– Э-э! у нас между первой и второй рюмкой не дышат... У нас попросту.

Выпитые две рюмки водки с непривычки сильно подействовали на Галактиона. Он как-то вдруг почувствовал себя и тепло и легко, точно он всегда жил в Заполье и попал в родную семью. Все пили и ели, как в трактире, не обращая на хозяина никакого внимания. Ласковый старичок опять был около Галактиона и опять заглядывал ему в лицо своими выпуклыми глазами.

– А я ведь знал Михея-то Зотыча, – говорил он, подвигая стул ближе к Галактиону. – Еще там, на заводах... Как же! У него три сына было, три молодца.

Дальше события немножко перепутались. Галактион помнил только, что поднимался опять куда-то во второй этаж вместе с Полуяновым и что шубы с них снимала красивая горничная, которую Полуянов преболжно щипнул. Потом их встретила красивая белокурая дама в сером шелковом платье. Кругом были все те же люди, что и в думе, и Голяшкин обнимал при всех белокурую даму и говорил:

– А вот эта сестрица Пашенька. У нас все попросту. Давайте, Пашенька, поцелуетесь.

Брат и сестра громко расцеловались. Потом Пашенька очутилась около Галактиона и ласково говорила:

– А вы забыли, как я на вашей свадьбе была? Как же, мы тогда еще с Харитиной русскую отплясывали. Какие мы тогда глупые были: ничего-то, ничего не понимали. Совсем девчонки.

Кругом все пили, хлопая рюмку за рюмкой. Вместе с другими пил и Галактион, то есть заставляла его пить Пашенька. Он видел ее белые, точно налитые молоком руки, и эти руки подавали ему одну рюмку за другой. Пашенька смеялась и садилась так близко к гостю, что своим плечом касалась его. Что-то такое горячее прилило к самому сердцу Галактиона, ему вдруг захотелось веселиться и называть хозяйку тоже Пашенькой, как Голяшкин, но в самый интересный момент опять появился старичок с утиным носом и помешал. Галактион рассердился и чуть не наговорил дерзостей. Пашенька во-время отвела его в сторону и прошептала на самое ухо с милой интимностью:

– Будьте осторожны... Это наш миллионер Нагибин. У него единственная дочь невеста, и он выискивает ей женихов. Вероятно, он не знает, что вы женаты. Пойдите, я ему скажу.

Она действительно что-то поговорила старичку, и тот моментально исчез, точно в воду канул. Потом Галактион поймал маленькую теплую руку Пашеньки и крепко пожал ее. У Пашеньки даже слезы выступили на глазах от боли, но она стерпела и продолжала улыбаться.

– У нас попросту... да... – проговорил Голяшкин над самым ухом Галактиона и захохотал. – Пашенька, поцелуется.

Пашенька вскочила и убежала.

Потом Галактион что-то говорил с доктором, а тот его привел куда-то в дальнюю комнату, в которой лежал на диване опухший человек средних лет. Он обрадовался гостям и попросил рюмочку водки.

– Это муж Прасковьи Ивановны, – рекомендовал доктор, считая пульс у больного. – Вот что делает водочка, а какой был богатырь!

– Рюмочку, – мычал больной.

В этот момент в комнату ворвалась Пашенька, и больной закрыл голову подушкой. Она обругала доктора и увела Галактиона за руку.

Дальше, кажется, был обед. Пашенька опять сидела рядом с Галактионом и угощала его виноградом, выбирая самые крупные ягоды своими розовыми пальчиками.

V

Странное было пробуждение Галактиона. Он с трудом открыл глаза. Голова была точно налита свинцом. Он с удивлением посмотрел кругом. Комната совершенно незнакомая, слабо освещенная одною свечой под зеленым абажуром. Он лежал на широком кожаном диване. Над его головой на стене было развешено всевозможное оружие.

– Где я? – вслух подумал Галактион, не узнавая собственного голоса.

Он напрасно старался припомнить последовательный ход событий, – они обрывались Пашенькой, а что было дальше, он не помнит, как не помнит, как попал в эту комнату. Э, все равно!.. Галактион хотел опять заснуть, но почувствовал, что ему что-то мешает. Это была не головная боль, а что-то внешнее, что-то такое, что было вот в этой комнате. Он приподнялся на локоть и стал внимательно осматривать комнату. Вдруг он вздрогнул – у дальнего конца письменного стола, совсем в тени, в глубоком кресле сидела неподвижная женская фигура. Ему сделалось страшно. Лица ее нельзя было рассмотреть, но он узнал ее, потому что чувствовал, как она пристально смотрит на него.

– Харитина, это ты?

Она молчала.

– Харитина!

Фигура поднялась, с трудом перешла комнату и села к нему на диван, так, чтобы свет не падал на лицо. Он заметил, что лицо было заплакано и глаза опущены. Она взяла его за руку и опять точно застыла.

– Харитина, я был пьян, как скотина... в первый раз в жизни. Я себя презираю... и ты... и все...

– Что же тут особенного? – с раздражением ответила она. – Здесь все пьют. Сколько раз меня пьяную привозили домой. И тоже ничего не помнила. И мне это нравится. Понимаешь: вдруг ничего нет, никого, и даже самой себя. Я люблю кутить.

– Перестань говорить глупости! Ты прикидываешься такой, а сама совсем не такая.

– А какая я?

Она подвинулась совсем близко к его лицу и, заглядывая в глаза, с нетерпением спрашивала:

– Ну, говори... говори, какая я?

– Ты?

Галактион с трудом перекатил голову на подушке, закрыл глаза и ответил шепотом:

– Хорошая... вся хорошая.

Она закрыла лицо руками и тихо заплакала. Он видел только, как вздрагивала эта высокая лебединая грудь, видел эти удивительные руки, чудные русалочьи волосы и чувствовал, что с ним делается что-то такое большое, грешное, бесповоротное и чудное. О, только один миг счастья, тень счастья! Он уже протянул к ней руки, чтоб схватить это гибкое и упругое молодое тело, как она испуганно отскочила от него.

– Галактион, не нужно!.. Галактион, оставь!.. Этого не нужно, не нужно, не нужно!

– Ну, иди, глупая, сюда... Не бойся, не трону.

– Я сейчас...

Она своею грациозною, легкою походкой вышла и через минуту вернулась с мокрым полотенцем, бутылкой сельтерской воды и склянкой нашатырного спирта. Когда он с жадностью выпил воду, она велела ему опять лечь, положила мокрое полотенце на голову и дала понюхать спирта. Он сразу отрезвел и безмолвно смотрел на нее. Она так хорошо и любовно ухаживала за ним, как сестра, и все выходило у нее так красиво, каждое движение.

– Не смотри на меня так, Галактион... Не хорошо.

– Не буду.

Он закрыл глаза и слышал, как она села опять к нему. Он чувствовал близость этого молодого, цветущего тела, точно окруженного благоухающим облаком, слышал, как она порывисто дышала, и не мог только разобрать, чье это сердце так сильно бьется – его или ее. Это был его ангел-хранитель.

– Харитина, помнишь мою свадьбу? – заговорил он, не открывая глаз, – ему страстно хотелось исповедаться. – Тогда в моленной... У меня голова закружилась... и потом весь вечер я видел только тебя. Это грешно... я мучился... да. А потом все прошло... я привык к жене... дети пошли... Помнишь, как ты меня целовала тогда на мельнице?

Она сделала нетерпеливое движение.

– Подожди, – говорил он. – Я знаю, что это пустяки... Тебе просто нужно было кого-нибудь любить, а тут я подвернулся...

– Скажи одно: ты думал когда-нибудь обо мне?

– О, часто!.. Было совестно, а все-таки думал. Где-то она? что-то она делает? что думает? Поэтому и на свадьбу к тебе не приехал... Зачем растревлять и тебя и себя? А вчера... ах, как мне было вчера тяжело! Разве такая была Харитина! Ты нарочно травила меня, – я знаю, что ты не такая. И мне так было жаль тебя и себя вместе, – я как-то всегда вместе думаю о нас обоих.

– А жена?

Он опять сделал движение, она опять отскочила.

– Я уйду совсем, если ты не будешь лежать смирно... Вытяни руку вот так. Ну, будь теперь паинькой.

Она опять села около него и заговорила, быстро роняя слова, точно боялась, что не успеет высказать всего.

– Тогда я была девчонкой и не знала, что такое значит любить... да. А теперь я... я тебя не люблю...

Он схватил ее и привлек к себе. Она не сопротивлялась и только смотрела на него своими темными большими глазами. Галактион почувствовал, что это молодое тело не отвечает на его безумный порыв ни одним движением, и его руки распустились сами собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.